

Александр Иванников

АРЕАЛ КИРИЛЛИК

СТИХИ

Том 1

Ростов-на-Дону
2013

ББК 84(2)
УДК 82-145
И18

*В подготовке издания принимали участие:
Т.В. Алейникова, Т. Крещенская, Г.В. Карайчев*

И18 **Иванников А.** Ареал кириллик: стихи разных лет (1980—2013) в последней редакции автора. Том 1. — Ростов н/Д: Foundation, 2013. — 358 с. ISBN 978-5-4376-01013

Эта книга — посмертное издание стихов Александра Геннадьевича Иванникова.

При жизни поэта его стихи неоднократно издавались: Час России: антология (М.: Современник, 1988), Антология русского верлибра (М.: Прометей, 1991), Прообраз: сборник стихов (Ростов н/Д, 1998), Обратная перспектива: сборник стихов (Ростов н/Д, 1998), Освобождение слова: сборник верлибров (Ростов н/Д, 2002). Его произведения вошли и в коллективные поэтические сборники: Ростовское время (1988), Фрески смутного времени (Ростов н/Д, 2005), Ростовская Лира (2007, 2008). Читатели могли познакомиться с поэтическим творчеством А.Г. Иванникова и в периодических изданиях, таких как «Дети Ра» (М., 2006), «Футурум-арт», «Ковчег» (Ростов н/Д, 2005—2008, 2012).

Сегодня можно найти стихи поэта и на просторах Интернета.

В память об интересном неординарном поэте и незаурядной личности подготовлено это двухтомное издание стихов Александра Геннадьевича. К сожалению, осталось много произведений автора, которые еще не были опубликованы и только ждут своего выхода в свет.

*Благодарность за помощь в издании книги
Ерохину Н.Е., Филатову Ф.Р., Пожарской Е.Н.*

*Рисунки Т.Л. Нольде
Фото Н.А. Райцес*

ISBN 978-5-4376-01013

ББК 84(2)
УДК 82-145

© А.Г. Иванников, 2013
© Т.И. Журавлёва (Т. Крещенская), 2013

Александр Иванников

28.03.1955 – 09.10.2013

**Стихи разных лет
(1980 – 2013)
в последней редакции автора**

ТОМ 1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (НЕМНОГО ИЗ ЗАПИСЕЙ)

*...Сам Александр, может быть,
выбрал бы другое или ничего.
Как говорил автор: «Всё — в стихах».*

ИСКУССТВО В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСТВА

Искусство и творчество я вижу как принципиально различные явления и состояния.

Творчество — процесс создания всего нового, и совсем не обязательно эстетически достоверного.

Более того, в силу консервативности эстетики, любой творческий акт, при условии что творческая составляющая в нём доминирует, будет восприниматься как безобразный. И он останется таковым до тех пор, пока не будет адсорбирован эстетическими механизмами путём цитирования.

Классический пример: знаменитая Эйфелева башня.

Искусство же имеет сугубо эстетическую природу. Оно не создаёт нового, но вся его непреходящая новизна — в искусной комбинаторике. В создании новых смыслов и оттенков смыслов путём переакцентуации старых клише.

Естественно, практически в любом произведении искусства кроме цитирования содержится и элемент творчества. Однако, он должен быть достаточно скромным, дабы не нарушить эстетического равновесия.

В противном случае, результат будет дисгармоничным, и только случайно, по прошествии времени, может быть реинтегрирован в культуру.

SAPIENTI SAT

Вкус — вещь более редкая, и потому более ценная, чем талант.

Талантов на всех не хватает. Вкуса не хватит даже на всех обладателей таланта.

А ещё есть такие, у кого таланта кот наплакал, а вот вкуса — хоть отбавляй! Эти-то самые опасные — ничего не прощают.

И ещё беда — талант, который без вкуса, долго не живёт, — курвится. Вкус ему необходим как среда и как опора. Чтобы, цепляясь, ползти и развиваться, яко плющ по стене.

Только вот вкус — он менее всего стена, он волна скорее. Субстанция сама в себе, можно сказать, неустойчивая. А потому любой человек с талантом и вкусом больше всего себе напоминает сёрфингиста, даже если никогда им не был.

И всё бы ничего, да вкус — вещь по сути несуразная: смутно понимаемая и сложно объяснимая.

«De gustibus non est disputandum» — верно!

Ведь, коли он есть, то что о нём спорить, а если нет — то и спорить не о чем.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Само выражение «литературный процесс» способно ввести в соблазн.

Бытовое сознание склонно трактовать любой процесс, как неуклонное поступательное движение из пункта «А» в пункт «В», и далее за горизонт. Литературный же процесс — процесс внутрисистемный. Он скорее сродни процессу кровообращения, чем марш-броску танковой роты. Пункт «В» отсутствует в принципе. Одна удачно найденная метафора бесконечно ценнее целого эшелона формальных нововведений.

* * *

Стихи бывают хорошими и плохими, а авторы — талантливыми, умными и глупыми. Причём, талантливые авторы пишут, в основном, хорошие стихи, а умные и глупые — плохие. Умные это понимают, а глупые — нет.

* * *

Нет ничего серьёзней иронии.

* * *

Поэзия — самое безобидное из всех обидных занятий.

* * *

Поэт имеет привилегию смеяться надо всем.

* * *

Если поэт будет заниматься издательской деятельностью, то произойдёт потеря касты.

* * *

Некачественные писатели пишут для некачественных читателей.

* * *

Художника может обидеть каждый, но только он может обидеть всех.

* * *

Из плохих поэтов получаются хорошие читатели. И наоборот.

* * *

Книги читают не для того, чтобы стать умнее, а лишь затем, чтоб не поглупеть.

* * *

Даты написания и названия важны, если они несут смысловую нагрузку для стихотворения.

* * *

Поэт ведёт провинциальный образ жизни, даже, если он живёт в столице. В противном случае, он становится публичной фигурой, что мешает творчеству.

* * *

В стихах каждое слово — главное, даже, если это — предлог.

* * *

Что маскирует в стихах пустоту? — Экспрессия чтения. Читай ударно, угарно, бесновато — и всё равно бездарно.

* * *

Поэзия — это Богослужение или, хотя бы, Богообщение.

* * *

У художника, поэта нет личной жизни, он включён в мировые метафизические потоки.

* * *

Мыслимо ли, чтобы поэт пережил свой яд!

* * *

Надо принять одиночество (“одинокость”) как программу жизни. Не внешнюю, а внутреннюю.

* * *

Не говорите, что это сказал я, говорите, что вы это слышали.

* * *

Позиция и «упаковка» не совместимы. Либо «поза»,
либо «пирог».

* * *

Время гонится за поэтом, превращаясь в его стихи.

* * *

Мужчины пишут плохие стихи, и женщины пишут плохие
стихи. А хорошие стихи пишут поэты.

* * *

Сальери — это струсивший Моцарт.

* * *

Как только намечается, хотя бы, мнимая стабилизация,
литературе возвращаются социально-управленческие функ-
ции. Потому что мы родина великой литературы.

* * *

Стихи не о том, о чём они написаны...

* * *

Поэзия — волшебный порядок слов.

* * *

Если человек талантлив, то он, чаще неудобоварим в
жизни, в быту...

* * *

Метафора — больше идеи, она самодостаточна, она вы-
ражает только саму себя и тем выражает весь мир.

* * *

Будь готов, что тебя обвинят в чём угодно, извратят каж-
дое твоё слово, такова природа большинства, они боятся
непохожих на себя, потому хотят это уничтожить, унижить.

Понимание всего этого порождает великодушие.

* * *

Многие почему-то думают, что духовное — бесплатно, и очень обижаются, когда его не получают. Потребность в смыслах и потребность в материальном расходятся векторно. Надо понять, где твоё сердце — там найдёшь своё сокровище. Это не приобретение досуга, а отказ от суеты.

* * *

Стихи — это путь совершенствования. Это неканоническое послушание, среднее между монашеством в миру и юродством.

* * *

Талант — относителен, бездарность — абсолютна.

* * *

Оптимизм не отрицает трагического мировоззрения.

* * *

Каждый видит столько, сколько у него внутри.

* * *

Поэты в России — нравственный императив нации, добровольно принятая жертва.

* * *

Ничто так не примеряет с миром, как сознание собственного несовершенства.

* * *

Верлибры — это поэзия, убравшая (втянувшая) когти.

* * *

Есть две школы написания стихов: школа Шалтая-Болтая — навязывать словам смысл, т.е., тоталитарная школа, конструктивистская, и школа Винни-Пуха, дзеновская школа, когда не надо мешать словам становиться туда,

куда они хотят, как сказал Винни-Пух: лучше со словами не спорить.

* * *

Всё, что я говорю, другие трактуют исходя из своей системы ценностей.

* * *

Каждый достоин своей судьбы. Понимать человека — это понимать разницу между собой и им, понимать эту пропасть непонимания.

* * *

Наша страна обречена на стихи, это стихотворное проклятье.

* * *

Ирония хороша тогда, когда она в качестве блика всё освещает.

* * *

Гоген расписывал свою хижину изнутри. Мы все расписываем себя изнутри.

* * *

Чёрная ирония — королева бала.

* * *

Настоящий художник не имеет права на хороший характер. Прекраснодушие губит художника как художника.

* * *

Страх перед душевной болью и страх быть смешным ставит крест на возможности стать поэтом.

* * *

Для людей искусства нарушение эстетического влечёт нарушение этического.

* * *

Художник всегда в оппозиции к власти.

* * *

Восхищение всегда переходит в предательство.

* * *

Искусство жизни — учиться делать проигрыши выигрышами. И готовиться к главному проигрышу.

* * *

Надо оставаться самим собой и не рассчитывать, что тебя за это будут любить.

* * *

Поэт должен иметь иммунитет ко всему «стадному», иначе поэта не будет как поэта.

* * *

Каждый человек от чего-нибудь умирает, если это грустно, то что же тогда смешно?.

* * *

На голой ветке —
Одинокий Иуда.
Страстная суббота.

* * *

Один на один
Со своим отраженьем
Вся жизнь проходит

* * *

Смерть — это праздник,
Который всегда с тобой,
Как сказал некто.

* * *

Хокку не сложить,
Пока цветы сакура
Не потеряет.

9 (22) МАРТА

Это сороки святые —
Грязью жирной до колен —
Эти хлопоты пустые,
Ожиданье перемен.

Ставим лесенки отвесно —
Ход — проход к иным мирам,
А весна, что твой опреснок
Снега с грязью пополам.

Всё равно с ним нету сладу,
С жутким тестом естества,
И весеннему надсаду
Смело лгут колокола.

Срок помноженный на сорок,
Сорок лживых сороков —
Это праздник хлебных корок,
Раскалённых сквозняков.

Светом, рвущимся наружу,
Небом, брошенным в ушат,
Этот праздник кружит лужи
Ледяных упанишад,

Он небесные просторы
Опускает мордой в грязь.
День святой...чумной...который? —
Полудурок, полукнязь!

Что мы ищем в этой стыни,
В этом гулке как овин,
Мире, обращённом ныне
В день своих сороковин?

На пустом, на лобном месте
Тучи водят хоровод.
Сорок жаворонков в тесте
Отправляются в полёт.

14 ФЕВРАЛЯ

Вот привычная картина:
В день святого Валентина
Дарят плоские сердца
Все друг другу без конца.

14.02.2013

* * *

Вот и
Исполнилось лето —
Но что толку!
Мёд пахнет янтарём; янтарь — мёдом.
Белая шинель
Преображения
Уже висит на старом гвозде
...И яблоки Падения —
В дырявом кармане.

14.08.2012

22 ДЕКАБРЯ 1978 ГОДА

Т.

Тема:

Створожено небо
И падает в слякоть
Мгновеньями снега —
Растаять и плакать,
В последней декаде
Декабрьской лени
Живёт снегопадом
Пяти измерений
Неистовый снег —
Неизбежная совесть.
Грохочет во сне
Суставами поезд,
С трудом продерясь
Между пальцев ладони,
Цепляет за ветви
Последним вагоном.
Чту эту погоду,
Что глупо двужилъна
И лжива в угоду
Полёту снежинок,
Другого резона,
Другого устава,
Другого сезона,
Поры ледостава.
Худое кашне.
Неоплаченный полис.
Бессмысленный снег.
Бесконечная повесть.

Вариация:

Небо — створожено —
Падает в слякоть —
Так осторожно,
Что не заплакать.

В бурое месиво
Прёт снегопадом
Странного месяца
Третья декада.
Мукою тяжкою
Не остановишь
Неба летящего
В окна становищ;
Любим ли чаще мы
В жизни накатанной
Кровоточащие
Плечи закатные?
Жить ноздреватым,
Как бы воспалённым —
Ночь вызревает
Коркой солёной —
Неизлечимым
И обреченным,
Скрывшим личину
Снегом Вечерним!
Времени
таинство.
Снега неистовство.
Нам причитаются
Тихие пристани.
Мальчики — догола —
Под ноздреватый!
Самая долгая
Ночь назревает.

CUIQUE SUUM

1.

У Господа Бога — большая печень,
Это многое объясняет.
Он в балетной пачке
Присел на карачки,
Царство Небесное
Всё никак
У Него не выходит.

2.

Хорда $\|R^2$ — кратчайшее из расстояний,
Экстрасенс упрощает глупость пространства
Методом прямого тыка.
Если говорить с позиции вечности,
То всё равно ничего не видно.
И, если бы этого не было,
Это стоило бы придумать.

3.

Камень, негодный строительству,
Лежит основанием кладбища.
Спасибо, дедушка Ирод,
За наше счастливое детство!
Трепетна, как абстиненция утра стрелецкой казни,
История блудного шарика,
Сбежавшего из-под наркоза.

4.

В падшем весёлом небе,
Расчерченном на землячества,
Плавает дохлый Ангел,
Обглоданный митохондриями.
Змей искушает Будду,
Червь искушает змея,
Sic transit gloria mundi,
И никто никому не мешает.

5.

Мудрость Творца соразмерна
Жизни как преступлению;
Чтобы забыть сомненья,
Достаточно не помолиться.

6.

Уйма полезных советов
В растрёпанной Книге Жизни,
И зрелая фига Познания
На вымаранной странице.

TERRA INFERNALIS

В воскресный день
С сестрой моей
Мы вышли со двора,
— Я поведу тебя в музей,—
Сказала мне сестра.
Вот через площадь мы идём,
Чтоб до конца пути
Понять, что мир —
Публичный дом,
И некуда идти.

Озноб продажного тепла
Торгуют фонари,
Врёт сутенёр
Добра и Зла,
И Веры, и Любви.
Хозяин проходных дворов,
Хлебов, чудес, камней,
Он знает:
Лучший из миров —
Ничуть не карамель.

Никто ни в чём
Не виноват,
Всё подлежит суду!
Мы видим город Ветроград,
Кишащий
Как в аду,
Там тащут мёд и пулемёт,
Подчас вступают в бой...
И всё известно наперёд,
И это не впервой.

Зачатый красным фонарём
И спёртый промеж двух,
Слепорождённым упырём
Истает блудный дух.
Молись ночному мятежу,
Пока не прервалась
Струющаяся по ножу
Миров бесплотных связь.

Сон одиночества
вдвоём —
В кошмарах Чёрных Дыр.
Здесь, где за каждым фонарём
Таится поводырь,
Ценой зебучести земной
Блуждает тёмный путь,
Он приведёт тебя домой...
Или куда-нибудь.

* * *

...А время движется к финалу —
Всё тяжелей день ото дня —
По переулкам и канавам,
По площадям и деревьям.
Идёт нешатко, не опасно,
Как шар, теряет высоту;
И пахнет верою напрасной,
Как нефтью и водой в порту.
Нам угрожает та из истин,
Что стала нашим ремеслом,
Льнут к ветру вымокшие листья,
И нам не справиться с веслом.
Нас сносит волею теченья,
Прикинувшегося строкой...
Так начинается спасенье
За шаг до гибели слепой.

* * *

А вы смели надеяться,
что и я не проснусь этой ночью,
как ни один из вас;
что я —
то же что вы,
только говорю не о том;
что я подвластен
тем же голосам,
уводящим вас от себя;
что я
никогда
не решусь признаться,
что я, как и вы,
ничем не лучше
своего времени...

Как вы были правы!

1988 г.

* * *

А дождь всё накапливал силы,
Всё вспыхивал, немо горя.
Его на плечах выносили
В залитые солнцем поля,
Где он, как свихнувшийся ёрник,
Как пьяный собрат ворожей,
Рыдал, изорвав о репейник
Глаголы своих падежей.
Ковчегом безгрешного Ноя
Опорою собственных вод,
Своей ли, чужою виною,
Но он никого не вернёт.
И тщетны его притязанья
И молний изорванный свет, —
Кого он разбудит слезами,
Кому прогрохочет вослед?

* * *

...А солнце пробивается едва
Сквозь пелену из копоти и гари,
Желтеет между шпалами трава,
И поездов змеинные тела
Беспомощно застыли на вокзале.

* * *

А я так верил,
Что небо переживёт меня,
Как каждый год
Переживает позднюю осень,
Чёрную, —
Продолжается.

Я был послушен
Огненному столпу,
Но теперь поздно
Говорить об этом:

Чёрное небо
Парашютирует,
Земля причмокивает,
Смакую
Горькие соблазны,
И звёзды
Остаются висеть
В пустоте пространства.

Вон — твоя звезда,
Вон — её,
И много-много
Никому ненужных моих.

* * *

Август, как закланный агнец,
Сколько кафисм ни твори,
Он ускользается, вязнет
В алой грязи на крови,

Так ускользающе кроток,
Словно он чует в тиши
Звук убывающих чётков,
Вечную тризну души.

Мы порождение пыли
Тайною силы земной,
Нас в этом мире забыли,
Мы не вернёмся домой,

Чтобы остаться собою,
Дóлжно стоять на меже,
Мы отступаем без боя,
Мы победили уже.

22–23.08.2009

* * *

Августовские ночи,
Августейшие дни,
Брен покой одиночеств,
Наважденью сродни.

Свет на веках не тает,
А за веками мрак,
Тишина обвивает
Допотопный бивак.

Онтология света,
Метафизика льда,
Эвтаназия лета —
Золотая орда.

Отречённые тени
В вышине вековой
Пролагают ступени —
Мой почётный конвой.

Голубая вендетта
С естеством не в ладу,
И качается лето
Как царевна в гробу.

Рука фанатика нежней
бездушья часового.

Забыт алфáвит,
буквы спят,
прогнозы и уставы,
и тишиною весь, до пят,
опутан город старьй.
Здесь каждый будет палачом,
и не избегнет бреда.
Звезда оптическим лучом
распарывает небо.

АДАМ

Ад и рай одинаково мнимы,
Чёрный бархат шипит у лица,
Пролетает вселенная мимо,
Запахнув рыбий мех пальтеца.

Груз невыплаканных мистерий,
Принцев датских зажившийся рой.
Средь возвышенных праздных материй —
Головою поникший герой.

Не о нём ли тщеславили трубы?
Не ему ли сплетались венки?
Пересохли, потрескались губы,
Влагой грёз напитались пески.

Чьё призванье звучит в отдаленьи? —
Он устал! — миражи, миражи...
Тьма безвидна в предверьи творенья.
И пустые стоят этажи.

Он любил эту грустную землю
До изгнания за четверть часа.
Тайна тайн нерасчётливо дремлет,
И не скоро найдёт пришлеца.

1982 г.

АЗИЯ

Костры освещают громады пустые домов.
Вселенский сквозняк задувает свечу голубую.
И в вихре провидческих и неразгаданных снов
Покорно вступаем мы в ночь, словно веру другую.

Над городом сонным стоит безучастно луна,
Боясь оступиться, кривясь как больная актриска.
Прости меня, Боже, дозвошь пиалу мне вина!
Я знал Тебя прежде, горящим кустом тамариска.

1982 г.

* * *

Ангел смерти прилетал вчера,
Он кружился над моим огнём,
Отрясая пепел и крыла,
Он вошёл в огонь и скрылся в нём.

Ангел света прилетал вчера,
Он кружил над пепелищем мглы,
Как прозрачны были два крыла,
Тихим светом осветив углы.

Тихий Ангел прилетал вчера
На одном изломанном крыле,
Он дружил со мною до утра
И погиб на утренней заре.

Соловей, у розы два шипа,
И смертельны оба для тебя.
Соловей, вселенная — слепа,
И казнит и любит, не любя.

Тихий Ангел, где ты, отзовись!
На моей стреноженной земле
Я ладони подымаю ввысь,
Но они испачканы в золе.

АНТИСОНЕТ

Есть у каждого чёрта свой ангел-хранитель,
В каждой душей душе — только ключ поверните —
Злые детские шалости стоят труда!
Ведь куда как банальна земная обитель,
Но пред хором небес неизменно горда.

Это осень сжигает свои города.
В этом дымном раю — каждый лист как награда,
Золотая наживка холодного ада.
Всё проходит, как тень, не оставив следа,
Но, быть может, его оставлять и не надо...

Здесь на каждого чёрта есть ангел, тогда
Есть на каждого ангела чёрт, поневоле.
В этой пьесе так прочно прописаны роли,
Что играть в этой пьесе не стоит труда.

18.11.2008

АНШЛЮС

Без объявления войны
Снег оккупирует округу,
И помыслы его черны —
Отсель грозить он будет Югу.

Нарушен воинский устав,
Зелёная листва седеет,
Дежурит холод у застав,
Зима сгущается и зреет.

Тому есть множество причин,
Есть календарные устои,
А лист, что жалобно кричит —
Он, вообще, того не стоит!

Снегов воинственный комплот
Удержит город на неделю,
Но холод всё переживёт,
Поскольку никому не верит.

И мы ему обречены,
И чередой промозглых буден
Мы взвешены и сочтены,
И легче нас уже не будет.

07.11.2009

АС ПУШКИН

Алексан Сергеич Пушкин,
Пролетая над Тамбовом,
Над Осколом, над Алуштой,
Был летатель бестолковый...
Вон он — кружит над Тибетом,
Словно гордый птеродактиль,
Декламируя при этом
Напряжённый мрачный дактиль.
Календарь ацтекам ладит —
От него они свихнутся...

Если с Пушкиным не сладить,
Мир наш может иерихнуться!

В свете сказанного выше,
Надо Пушкина приветить,
Затаиться подле крыши
И везде расставить сети...
Потому как — гений наш он! —
Всё в себя преобразует,
Потому как — в гневе страшен,
Как расстроенный Везувий.
Не шалите нынче, дети,
Спать ложитесь по наказу!

Пушкин видит всё на свете...
Пушкин — всюду! Пушкин — сразу!

Любит Пушкин чай с малиной,
Бланманже и круассаны...
В глубине дремучих ливней
Станем петь ему осанны, —
Гений, гений, что с тобою?
Али мы тебе не рады?

Али ищешь ты покою?
Али ждёшь какой награды? –
Здесь любой из нас захочет
Быть с тобой, на месте этом...

Но – обиженно хохочет,
И летает над Тибетом.

Не достать его из пушки...
Не послать его в Майами...
Алексан Сергеич Пушкин
Делит крошки с муравьями.
Он от Спаса и до Спаса
Прозябает на природе,
И, в движеньи падеграса,
Облаками хороводит.
Пушкин – август, потому что
Здесь ему не надо много...

И играют погремушки
На шести руках у бога.

18.08.2012

* * *

Ах, хламида, ах, монада,
Мне бы большего не надо!
Онтология потерь —
Если здесь, так не теперь,
Если где-нибудь, то — слишком.
Время мается излишком
У пространства на виду,
Речь со смыслом не в ладу.

Гегель умер от холеры,
Мы загнемся от чумы,
Одиозные примеры
Тоже, в сущности, верны,
Нищсе съела спирохета —
Не тревожьте сон поэта!
Опрокинутое лето —
Тыл японского зонта.
В недрах Ветхого Завета
Заблудилась суета.

По шумерскому преданию
Мы родимся в наказанье.
Прозябению примером
Не родись, мой друг, шумером!

Жизнь подобна лотерее:
Мы в туннеле, как в трубе,
Где в конце на самом деле
Ожидают А и Б.
— Вот Ваш приз!
Скажите: “Чиз!” —
Только лифт уходит вниз...
Ах, хламида!
Эх, монада!
Что поделаешь,
Так надо.

* * *

Ах, этот чуткий месяц март,
Лишённый голоса и цвета —
Игра, ребячество, азарт —
Гораздо позже будет это.

Здесь осторожная рука
Не покидает недр кармана, —
Весна ужасно далека
И — в суете — непостоянна.

Предощущение весны
Разлито в воздухе ментолом,
Но облака уже тесны,
И горизонт искрист и колок.

...Шельмец, оставшийся без карт,
Лишён и орденов и личек,
Но — этот хрупкий месяц март —
Он гол, и зол, и неприличен!

14.08.2012

* * *

Бабушка пела в церковном хоре,
Одной ногою стоя в раю,
Слегка шепелявя, сбиваясь в повторе,
Путая «амен» и «ай лав ю».

То голос рожном упирался в купол,
То плыл по кругу, как лавр в борще,
Вменяя властно потерю слуха
Как тихую радость живых мощей.

А всем казалось, что радость будет,
Когда старуха завянет в Твери...
Ведь где-то же есть счастливые люди,
Что в эту церковь не забрели!

А голос пел. Наказаньем клира
Творя гармонии наугад,
Причастный тайнам иного мира,
Мученьем вечным пугая ад.

БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ БУТЕРБРОДЕ

Ночь лежит на мостовой,
Чёрный кот её сосёт.

Незаметный постовой
Лапу длинную несёт.

Ночь вращает жернова,
Забривает звёздам лбы.

Всё на свете трын-трава!
На траве лежат гробы.

Ходит круглая печать,
Под названием Луны.

Бродит призрак Илича,
Наложив себе в штаны.

Красной Армии герой
По карманам гоношит.

Созревает геморрой
В sancta sanctorum души.

Непонятен как санскрит
Мир рождённый набегу.

Помавает инвалид
Семю пядями в лобу.

Апатичный звёздный рой
Вброд форсирует Коцит.

По дороге столбовой
Ходит-бродит суицид.

Золотая цепь времён
Льнёт к амбарному замку.

Не давай своих имён
Пароходу и зверьку!

Потому что — рассвело,
Потому, что ночь не врёт...

Мавр сделал пол-кило:
Королевский Бутерброд.

БАЛЛАДА О САВЛЕ И ПАВЛЕ

Законник Савл не был пьян,
К тому же был конец недели,
Но не любил ни христиан,
Ни выходцев из Иудеи.
В казённой вере был изъян,
Об этом знал каноник Павел,
И потому составил план,
Но Савл на своём поставил.

Душа, что твой катамаран,
Корячится на гребне рока,
Неподелённая как Храм
Между законом и пророком,
Двоятся Пётр и Симон,
И прорастают именами,
И разделён синедрион,
И глушит Стефана камнями...
Так за беду шла беда,
Но, не боясь людской огласки,
Вставала ранняя звезда
По направлению к Дамаску.

Ревнитель Савл вёл отряд,
В Дамаск летела колесница,
Чтоб там обрезать всё подряд,
Что предпочло уже креститься.
Но луч, направленный в зенит,
Уже акценты переставил,
И ничего не изменить!
Ты опоздал, учитель Павел.

Слепой полет нетопыря
По камышам Геннисарета.
Душа, по правде говоря,
Кривое зеркало Завета,

Сомнение не знает дна,
Невежество всегда при деле,
Но, если истина одна,
Она и в храме и в борделе.
Два близнеца пред алтарём
В плену сиамских аберраций,
Кому-то быть поводырём,
Кому-то до конца смиряться.

Дорогу скрадывала мгла,
Струя прохладу, как отраву,
Лучами тусклого стекла
Высвечивала переправу,
Где с очевидностью кольца
Ждала Господняя морока
В час озарения слепца
И ослепления пророка.

Следила чёрная толпа
Преображение тирана,
Как сень Сионского Столпа
Сошла в верховья Иордана,
И, направляя звездопад
В заложника нелепых правил,
Звучало явно невпопад:
«Зачем меня ты гонишь, Павел?»
Невыносимый свет не гас,
Свершалась гибельная треба,
Жизнь проходила мимо глаз,
А из глазниц глядело небо.

Опорою на два крыла
Душа висит на честном слове,
И плоть, пока не отмерла,
Над этой шаткостью злословит.
Все лабиринты — тупиком,
Где время чёрствое крошится,

Где тьма стоит как террикон,
И темноты своей дичится.

Свечой, зажато́й в зеркала,
Сквозь бесконечность удвоений,
Лаокоон Добра и Зла,
Борения безумный гений,
Почто, клевет и прозелит,
Вотще рискуешь головою?
Души слепой метеорит,
Сверкнув, рассыплется золою.
Ведь, чтобы что-нибудь понять,
И чтобы что-нибудь ответить...
Удастся ль зренье потерять,
Чтоб жить в невыносимом свете!

В. К.

Белей не будет Рождества,
Хотя за дверью дождь и слякоть,
Но, чтоб минувшее оплакать,
Сойдёт и бурая листва.

Святей не будет Рождества,
Поскольку грешное — исконно,
Как потемневшая икона,
Светлей не будет Рождества.

Возьми меня в проводники,
Я выведу тебя на круги,
Где равны недруги и друзья,
И отменён закон тоски:

Отсель — простейшие слова
И ночь, соленая от крапа.
И — чтоб грядущее оплакать,
Верней не будет Рождества.

* * *

Белые крылья, как ветхие руки — прекрасны,
Брошенный дом, обреченный на слом поневоле.
Что ты стоишь на пороге в тревоге напрасной?
Гибкие тени уже заселили обои.

Древняя Эдда, а может быть, сага, былина?
Длится история, пачкая кровью страницы...
Всё переменится, были бы влага и глина —
Будет Валгалла, которая воинам снится.

Степью полынною — солнце — как детское имя,
Брошено плотью полынной, как бешеный мячик.
Смерть — это то, что всегда происходит с другими,
Смерть — это то, что не может случиться иначе.

В выцветшем небе стоят комариные стоны,
Полные смысла, на нем проступают реченья,
Кто их читает, слагает стихи и законы,
Впрочем, они для него не имеют значенья.

* * *

Белый Ангел прилетел
До девицы Маши,
Белый Ангел песни пел
Кондаки да марши:

— Наша Маша лучше всех!
В женах ждёт тебя успех! —

Ангел сел на купола —
Что ещё за птичка? —
Маша Ангелу мила,
Ангел снёс яичко.

Из Него торчат шесть крыл,
Он, наверно, Гавриил...

Передал ей Ангел весть,
С Ангелом не спорят,
И теперь у Маши есть
Благодать во взоре.

...Маша глазки подняла,
Ничего не поняла.

08.04.2010

* * *

Белый мягкий город зимний —
Новогодний антропоцит,
В суете горбатых линий
Кто-то ножками сучит.

Приближается веселье,
Нависает кайфолом
Гололедицей постели,
Пахнущей нашатырём.

Снег ложится, всё скрывая,
Где ты, родина-страна?
Мировая норовая
Сексуальная война!

Закусив чеку зубами,
Заползу в постель твою.
Напишите бедной маме,
Что погиб в честном бою.

* * *

Бессонная память своим позывным
Шерстит по расщелинам серого мяса,
И ночь бесконечна в неведеньи часа,
И время подвижно, как трубочный дым.

Полёт неподвижный упрямо следим,
И молим прощения, и не находим
Полезные камни в ненужной породе,
Где время подвижно, как трубочный дым.

1991 г.

* * *

Блажен, кто рано обнищал
Гордыней, совестью и духом,
Кто у начала всех начал
Лишился зрения и слуха,
Кто и в плену, и у черты
С постылым днём не сводит счёты,
Кто не сумеет отличить
Навоза конского от чёток;
Тому не страшен Крысолов,
Тому, что Третий день, что Пятый,
И весь его дневной улов
На дне его помятой шляпы,
Такой повсюду одинок,
И даже в Царствии Небесном
За то, что светом пренебрёг,
Отпущен будет к духам местным.
Он дух бездомных и калек,
Он их зовёт, они не слышат,
Он — Крысолов грядущих лет,
В дуду свою поёт, что дышит.

* * *

Блестит осенней амальгамой
Поверхность ржавого пруда
Развоплощённой пентаграммой
Играет сонная вода.

Входите в воду дважды, трижды,
Четырежды, семь раз на дню —
Она всё та ж, она недвижна,
Не различая свет и тьму.

О, омут времени глубокий,
Равно судя о каждом дне,
Какие тайные потоки
Ты охраняешь в глубине?

БЛОШИНЫЙ РЫНОК

А. А.

Опять весна, Небесной Манной,
Нагрянула, где на углу
Ватага кукишей карманных
Гоняет черную лузгу.
Опять — весна! Юлит на сходе,
И лепту жалкую берет —
Удел бесплодных плодородий —
Грачиной выделки народ.

Стоит весна в блошином раже,
Изъяны плоти заголя.
Собор отринутым миражем
По крест ныряет в тополя.
Монах, проглоченным аршином,
Идет с копилкой на Врага,
И улиц гибкие фашины
Напоминают берега.

Стоит весна, как крест из плоти,
На потной заводи шагов —
Механик сбивчивый — в работе
У поворотных рычагов.
Куражится навар грошовый,
Сплетаёт бредень мошकारа,
И клянчит воздух порошковый
Подвал у каждого двора.

БЛУДНЫЙ СЫН

Прости меня, Господи,
Воля Твоя,
За вечный соблазн
Кочевого жилья,
За резвый нарзан
Из серебряных труб,
За то, что не мною
Заклят душегуб.

Помилуй мя, Блаже,
Греху вопреки,
В осеннем кураже
Твои сквозняки,
Чтоб не было горче,
В начале пути
Помилуй, мя, Творче,
Прости, отпусти

Долиной проросшей
Травой-лебедой,
Где ночью по рощам
Кричит козодой,
В тот дом, что завещан
Как имя реки,
Где ночью из трещин
Следят сквозняки,

Где вечного лета
Стоят миражи,
Где в пропасти света
Ныряют стрижи,
Где вечность змеится,
Подковы дробя,
Где можно молиться,
Не зная тебя.

* * *

Блудный Сын на пепелище:
Уцелели ворота,
Но ни дома не отыщешь,
Ни стропила, ни креста,
Только — имя на воротах,
Только — память на горбу,
Да дорога поворотом
Затерялась на лугу;
На дорожном на распяты
Остановишься, скорбя,
Сбросишь плоть в траву, как платье —
Всё в порезах от дождя.

1988 г.

* * *

Богоискатели и дураки.
Нищие духом пребудут блаженны!
Где вы, погасшие маяки,
Так освещавшие горькую землю.
Утро всплывает из ила реки.
Тихо волжбу сотворяют и пажить
Богом покинутые старики,
Не сохранившие брентную память.
Хлебом пропахли суставы руки.
Горек насущный, но горечь и благодать
Путает сердце. О как далеки
Мы и они от того, что осталось.
И умереть ожидая к весне,
Тихо глядяся в себя как в колодцы,
И умирать начиная во сне,
Древний старик осторожно смеется.
Посох зажатый не пустит руки,
И в продолжение собственной смерти —
Богоискатели и дураки —
Память и совесть в забытом конверте.

* * *

Боже мой, как же мы верили,
Сердцу и снам вопреки,
В вечнозелёное дерево
У незамёрзшей реки, —
Так уж привыкли с младенчества
К запаху елей и вод!
Будни последние мечутся,
Наскоро комкая год.
Всё, что декабрь накликивал,
Не январю перевозмочь, —
Иконописными ликами
Празднуй последнюю ночь!
Ночь нам не даст разувериться,
Ладно, ещё подождём...

Вечнозелёное деревце
Под бутафорским дождём.

БОЛЕРО

Пред небом настороженным
Разменивают стать
Слова пустопорожние,
Другие негде взять.
Разменной монетою,
Не оскверняя храм,
Звенят, храня бессмертие,
По птичьим головам,
И с рабскою весёлостью,
Всё на пути смета,
Придурковатой совестью
Играют, как дитя.

Небытие и женщина —
Per nefas idem fas.
Необорима трещина
Для безоружных глаз,
Где вечные сомнения
Пытаясь заглушить,
Ворочают камни
Трущобами души,
И мечется, отмщением,
Дорога вникуда
От красного смещения
До Страшного Суда.

Не думай нехорошего,
Не обрывай стоп-кран,
Слова пылят порошею
По брошенным церквям,
Летят во тьму кромешную,
Как мотыльки на свет,
Как будто им завещано,
Как будто смерти нет,

Как будто будет спрошено
От каждого стократ,
Размалывая в крошево
Бессонный циферблат.

Их правит омрачение,
Призыв родных оков —
Святое причащение
Гражданству лишних слов,
Присягою и славою
Повиты меж собой
Живут они кровавою,
Как Страшный Суд, враждой,
Идут они по лезвию,
Расширив знамена.
Гражданская поэзия —
Гражданская война!

БОЛЬШАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, усни, не просыпайся!
Как ночной радикулит,
Счастье сна в размере вальса.
Солнце чёрное горит.
Рано утром на планете
Спят измученные дети,
Засыпают, не спеша,
И портвейн, и анаша,
Спит гекзаметр и дольник,
Спит палач, не спит покойник,
На полях родной страны
Спят стада и табуны,
Спят коты и демократы,
Спят хлориды и нитраты,
Спит повстанец и солдат,
Засыпает всё подряд.

Засыпает листопадом
Нашу скучную кадриль,
И летим по эстакадам
Долгожданных летаргий.
Спать пора! Мы живы снами,
В нашем прошлом ни гроша,
Наша вечная душа
Понапрасну не верна нам.
В этом лучшем из миров
Сон последнее убранство,
Сон времён и сон пространства,
Сон рождественских даров,
Валтасаровых пиров,
Разлучённых междометий.
Только спящий не заметит
Ночи длинных топоров.

Спи, напрасно не шали,
Как Мари и Пьер Кюри,
Воют псы сторожевые,
Реют листья ножевые,
Дует ветер, дождь идёт,
В штопор входит бутерброд
С разведённого моста,
Пусто небо, ночь пуста.

Спать пора, уснул жучок,
Лёг в коробку на бочок,
Овладевши каратэ,
Он попал под ДДТ.
Сон нейдёт, хоть ты умри,
Вызывай скорей 03,
Добрый доктор-инвалид
Всем уколет, исцелит.
Сон плывёт, стихает зуммер,
Спи и ты, пока не умер.

* * *

Бродит старое вино,
Раздуваются меха.
Между линий Мажино
Пробирается душа.

Разведён последний мост
Душной тенью на полу,
И щебечет Алконост
Канарейкой на колу.

Добрых старых параной
Неудобно привечать,
Пост-Успенской пеленой
Покрывая палача.

Бродит тлен семи колен —
Не проехать, не пройти,
Топкой грязью иппокрен
Размывая все пути.

* * *

Будем жить как трава в апреле,
Ощущеньем вины полны,
Словно кто-то в неправом теле
Опознал волосок струны,

Обобрал суету гордыни,
Переплавил уста в печать,
Только это — вчера... а ныне
Я намерен опять начать!

Пусть приснится мне поцелуя
Предающий расправе вкус,
Только к боли своей ревную, —
Пуст ноябрь — отгоревший куст,

Как сильна благодать сиротства
В этой давке ночного льда...
Бесполезно уже бороться.
Всё равно я вернусь сюда.

* * *

Будто генная память погромов,
По ночам просыпаясь, болит,
Здесь душа не находит законов,
По которым живёт неолит.

Проходящему стражу порядка
Показав шестиречие крыл,
Причащаясь вселенской облаткой
И летеи́ским вином из могил,

Говоря молчаливые речи,
Колокольней бронёю шурша,
Опустилась вселенной на плечи
Моё брeнное тело-душа.

Не снести мне такого урона,
Не подняться на пальцах травы,
Словно древнюю память погромов
На моей замесили крови.

* * *

Будь молчалив, как первый снег,
Как молчаливое искусство,
И это — на глазах у всех,
И свято место снова пусто;

Будь молчалив, как киноварь,
Как прииконная олифа,
Как очарованный звонарь,
Как снег, с небес скользящий тихо;

Будь молчалив в своем доме,
Пусть стены слушают молчанье,
Поддайся музыке печальной —
Слова ни сердцу ни уму!

Молчит, и губы в волдырях
Зубами прикусил до хруста,
Звонарь, который в куполах
Творит свободное искусство.

1986 г.

* * *

Будь осторожен у перил
Моста, смотри — не вышло б хуже!
Кто дух на волю оперил,
Тому ты, в сущности, не нужен,

Он занимается тобой
От скуки, может быть — от лени.
Мальчишка, пасынок, изгой,
Сын блудный — где твои колени?!

Твоя наивная судьба —
Судьба обёрточной бумаги.
Твоя потухшая звезда —
Вся в белом рубище — как флаге!

1985

* * *

Будь поласковой с Богом,
Будь поласковой с Ним,
Под немым небосводом
И под небом немым,
Под крутым снегопадом,
Сквозь метельную стынь
Стань с Учителем рядом,
Не пугайся святынь.

Эта ночь, как награда,
Эта ночь — навсегда.
Что лепечет, с надсадом,
Из оконца — звезда?

«Будь поласковой с Богом,
Обещаньям не верь.
Что ты видишь с порога
Сквозь слепую метель,
Сквозь ослепшую заверть
Под метельный рожок,
Что ты видишь, товарищ,
Что ты помнишь, дружок?»

Всё дано от начала,
Всё дано — навсегда,
Нас осталось так мало:
Бог, Иов, и звезда.»

* * *

Будь счастлив, человек, сегодня ты умрёшь.
Сегодня Божий суд, дарующий прощенье,
Как перевозанный снег. Как благодатный дождь
Проходит над землёй, не мысля возвращения,

Да будет тишина Присутствия во всём!
Смерть – тихое дитя аттической печали.
Оставлены дела и мысли ни о чём,
Не всё ль тебе равно, как прежде величали...

Будь счастлив, человек, всё кончилось добром,
Ты пущен в вольный свет, куда глядел из окон.
Душа, как мотылёк, скользит сквозь бурелом,
Где в глубине ветвей пустеет мёртвый кокон.

31.04.2008

* * *

Был Хайд ни в чём не виноват,
Его подставил мистер Джекил,
Затеяв воровской обряд,
Которым нынче бредят дети.

В последних числах октября
Ночами ветрено и хмуро,
В неверном круге фонаря
Маячит странная фигура,
Вокруг шныряют сквозняки,
Горят надтреснутые лужи,
И сладким запахом тоски
Осенний воздух перегружен.
Из темноты не разберёшь,
Что там, в неясном свете, мает,
Тенями сбивчивая ложь
Черты привычные меняет.

Кто спал до будущей весны,
Но был нечаянно разбужен,
Тому, как прежде, снятся сны,
Которым он уже не нужен.
Ликантроп, выросший в глуши,
Он клянчит сладости со всеми,
Всей глубиной своей души
Не принимая это время.

2005 г.

* * *

Быть может, Моцарт – бог,
Но сам того не знает,
Им правит жадный бес
Концертной мелюзги,
Он только спит да ест,
Да музыку меняет
На черствый хлеб и пот,
И меряет шаги
Средь пустоты, что ждет,
Как колокол, бездонна,
Средь немоты ночной,
Средь тишины жилья.
А музыка живет –
Как музыка – бездомна,
Святая ипостась
Небесного зверья.

Как книгу ночь открой
И пролистай начало –
За первую главой
Звезда над головой!
Здесь музыка жила,
Здесь музыка молчала,
И, тайная, жива,
И может быть живой,
Потерянная здесь,
В кругу вселенской стужи,
Как ледяной кристалл,
Где вечно в унисон
Качаются миры
Не лучше и не хуже...
Быть может, Моцарт – бог,
Быть может, Моцарт – сон.

* * *

В воду пробуждения
Сколько раз ни входи —
Она всё та же:
Неподвижная, как зеркало,
Острая,
Как
Бумага,
Белая,
Как молчание,
Трезвая дневным светом.
И только тонкий
Ил амальгамы
Выдаёт
Её
Ночную сущность,
Непереводимую
Ни на один язык
Мира.

* * *

В день второго февраля
Вылезает из норы
Солнце цвета янтаря
Вкуса мёда и халвы.

Возрождённая эмаль —
Голубая глубина,
Словно в мире каждый — царь,
И на всех одна вина.

03.02.2012

* * *

В доме поселилась тишина.
Тишина оберегает нас.
Ночь стоит на паперти окна,
Выставив косою собачий глаз.

Ночь стучит размокшею рукой,
Стук невнятен, непонятен, тих,
Тишина наш охранит покой,
В целом мире охранит двоих.

И, когда погаснут фонари,
Свет дневной обрушится в меня,
Тишина у притолки двери
Задохнется в бодром ритме дня.

ПРОЩАНИЕ С ЭДЕМОМ

В заглохшем эдемском краю
Цветут полевые тюльпаны,
Здесь празднуют память свою
Бессмертья пустые стаканы,
Растут по овражной земле
Шиповник, тутовник, терновник,
И тускло горит на столе
Эдемского света виновник.

Окутанный тьмой зоосад —
В ознобе пустующих клеток,
И пьяная бродит роса,
И воздух любви фиолетов,
И падают в ночь светляки,
Тебя объявляя мишенью,
Но горечь Молочной Реки
Омоет твои прегрешенья.

...Припомни на том берегу,
Монетой, лишившейся кона,
Всю мёртвую правду закона —
Эдем по колено в снегу.

* * *

В канун Великого поста,
Гоня голубей,
Бог смотрит в небо из куста
И молится Себе.

Господь прощает примадонн,
Общается с людьми,
А мир — по-прежнему дурдом,
И чёрт его возьми!

Нелегитимным матерком
Браня подлунный бред,
По лужам бродит босиком
Святой анахорет.

И надобно прощать грехи
И исцелять напасть,
Чтоб не свихнуться от тоски,
С Фавора не упасть.

Ценой разбитых к кровь ланит
Нести благую весть,
А то что мир не изменить,
Так он такой как есть...

* * *

В любом предмете на просвет
Во глубине необычайной
Живут слова, которых нет,
Чей смысл — тьма, чьё имя — тайна.

Со сводов карстовых пещер,
Где тени гибки, словно плети,
Слова — прообразы вещей —
Глядят из мглы тысячелетий.

Они обречены страдать,
Не зная жребия иного,
В попытке вечной передать
Одно единственное Слово.

Они разбужены в ночи,
Которая не будет светом,
Их немота, что так горчит,
Известна только лишь поэтам.

* * *

в моём доме с окном
на замёрзшие
на замершие деревья
кто-то жил до меня

его почерк во всём
сколько ни переставляй мебель
он проступает на обоях
сколько ни переклеивай их

необъяснимо его —
сквозняки
и янтарное утро
помнят только его глаза

жизнь вечна
время неуловимо

1989 г.

* * *

В небе красная зреет луна,
Ночь полна ожиданьем неясным.
Новый Год. А вокруг тишина...
Новый Год! Что с того, что напрасно!

Слишком много бесстрастных примет
В указанье бессмысленной яви,
Словно нас нет как нет, нет как нет
Ничего, ничего не исправить.

Прочь от морока! Это – луна,
Это тени и игры ума,
Пламя свеч, сквозняки и ходули,

Потому что крадётся за мной
Белый тигр под красной луной
И дыханье моё караулит.

01.01.2010

* * *

В небес стремительном полёте,
то снизу вверх, то сверху ниц
летит разбуженная тётя
с глазами полными ресниц.

Она сегодня встала рано
и, выпив чаю с колбасой,
принявши ванну как нирвану,
гуляет по небу босой.

И дядя самых честных правил
глядит, склонивши темя вбок,
и, поднимая грязный палец,
вдруг произносит: «Что есть Бог?!»

А ветер кружится в падучей
и раздувает тётью треть,
и дядя, опытом научен,
её пытается не зреть.

Но поздно! Он уже во власти
и что-то шамкает десной,
по сути дела, он — фломастер
у Бога в книжке записной.

Положим — тётя — это Муза,
положим — дядя — он поэт,
но, всё равно, не стой под грузом!
Особенно,
где груза нет.

**В ОДИНОЧЕСТВЕ НАБЛЮДАЮ
НАСТУПЛЕНИЕ СУМЕРЕК
В РАЙОНЕ СЕЛА СОРОЧИН
20 октября 1979 года**

Не допуская темноту,
За угасающий рассудок
Ещё цепляются кусты.

Вкус желчи слышится во рту,
Смолкает сонная округа,
И очи сумерек пусты.

С горы спустившись налегке,
Ночь поселилась в городке,
И эта боль —

В последних перепевах дня
Была со мной и для меня —
Теперь с тобой.

Г.К.

В порочных связях не замечен,
Шикарен, чопорен, нелеп,
Сентябрь, как всё, вполне конечен —
Пришёл, увидел и ослеп.

Октябрь на вычурного братца
Бельмом наводит облака,
И кучей ржавых ассигнаций
Раскручен жернов сквозняка.

И жизнь от выдоха до вдоха,
Свечой меж двух зеркал двоясь,
Величественна, как эпоха,
Мешая золото и грязь.

09.2002

* * *

1.

В пространстве, замкнутом дождём,
Мы всё ещё чего-то ждём
И протираем на просвет
Стекланный юности браслет.
Мережит талая трава,
И кто-то путает слова.

2.

Сквозь алюминиевую муть
Усталых глаз не провернуть.
Припомни мёртвые года:
Мы были молоды – всегда!
Зачем же этот сонный плач
Невыносимых неудач?

3.

Дождь откровеннее, чем бред,
Дождь – неопознанный объект,
Где жизнь стеклянной булавой
Расколота на мостовой,
Где время движется дождём,
Где мы ещё чего-то ждём.

4.

Мы под дамокловым дождём
Которого не переждём.
Укромный сумеречный свет
Всех невостребованных лет.
Откроем души и тела,
Дождь это капли и слова.

В ПУТИ

Он (и к нам) приходил,
Сидел у костра,
Говорил, что к утру мир сгорит дотла,
Говорил, что останутся
Он и мы,
Потому что миру мы не нужны,
Говорил, что мы соль, говорил, что свет,
Говорил,
У него был на всё ответ,
Что отец у него мера всех мерил,
Говорил,
Говорил.

Мы сидели вкруг,
Мы глядели в ночь,
(Да и чем мы могли ему помочь!)
Он, конечно, прав,
Мир, конечно, плох,
Так и он не бох.

А он всё говорил.
(Не мешали. Пусть!)
Сквозь слова в словах проступала грусть.
Ведь у каждого есть,
Что сказать другим.
Те слова, как дым!

А, когда ушёл,
За его спиной
Мрак сомкнулся,
Ветхий
И шерстяной,
Ни один из нас не заметил след.

Догорел костёр.
Наступил рассвет.

16.04.2013

* * *

В содружестве света и лени
Рассветных томительных снов
Сплетается сумрак явлений
Шершавостью грубых основ
В своей суете — осязаем,
С обетом в чужой монастырь,
Талдычит слова попугаем,
Как будто читает псалтырь,
Примет узнаванья дичится,
Всё разом спешит произнести —
Знак боли под левой ключицей —

Зачем он явился? — Бог весть!
Зачем преклоняю колени,
Рассвета слепой поводырь,
Пред таинством света и лени —
С обетом в чужой монастырь,
Кто выпустил раннее слово
Бродить посередь мятежа,
Как будто не будет иного?
Наверно — не будет! А жаль.

* * *

В стольном граде Тегеране
Праздник, Бог его прости,
Грибоедов на аркане
Превратился в конфетти.

До чего сегодня рады
Старики и детвора
В Тегеране и в Багдаде —
Праздник, праздник до утра!

И на празднике на этом,
Где добро сменяет зло,
Коли ты рождён поэтом,
То тебе не повезло.

Будешь в коленкор оправлен,
На шкафу стоять в тоске, —
Будешь-будешь окровавлен —
Грязной тряпкой на древке.

Ты — поэт, дитя свободы.
Зри, свободу возлюбя,
Толпы вольного народа,
Нежно бьющие тебя.

Что поделать — понимаю!
Свет дневной сменяет тьма...
Ни на что не променяю
Это горе от ума!

В. Р.

В те годы, полнолунные, слепые,
Сходились в круг пропойцы и святые,
И плавилась коричневые розы,
И зеркалами преломлялся образ,
Вокруг роились тени Пастернака,
Свет светом был, не покидая мрака,
И грязь остроконечную месили,
И метили в пророки да месии.

Здесь музыка печально царовала
И, как всегда случайно, целовала,
И тени в круг сходились понятия,
И маялись фрондеры и витии,
Но тихо жили, тихо пировали
В холодном неустроенном подвале,
Где день за днем творился одинаков,
Весь в дарованье слова или знака.

А время шло и нас не замечало,
Кругами расходилась тьма причала,
И сквозняки, распатланны и наги,
Нас уносили как клочки бумаги.
Смотрите в опустевшие анналы,
Мы были здесь, поэты и менялы,
Во времени, осевшем книжной пылью,
Как храм великодушному бессилью.

* * *

В том краю дождя и снега,
В нежилом твоём раю,
Альфой рядится омега,
«Ай лав ю!» как «Мать твою!»

Из заплаканных оконниц,
Из бойниц, глядят ножи...
Околесица бессонниц —
Исполать наивной лжи!

Очарованная Леда
Просыпается в пуху,
Одиссея Диомеда
Длится, лёжа на боку,

Из-за Аргоса на стрежень
Выплывают наши сны.
Шестикрылый миф скворешен
В ожидании весны.

* * *

Г.К.

Облака плывут, облака...

А. Галич

В этом мире облака, облака,
Суть которых высока, высока.
Проплывают облака высоко,
Им оттуда, с высока, мы — никто.
Ничего не видно им, кроме крыш,
В горнем мире облаков гладь да тишь.
Только ветер оmyвает слегка,
Да вокруг плывут, текут облака.

Если знать, что над тобой, в вышине,
Существует мир, где вечность в цене,
Где одно, что краткий день, что века,
Всё равно, все как один — облака,
Всё равно, все как один — пар да свет,
Потому что облаков вовсе нет,
Только ветер, что парит, как рука
Собирает этот дым в облака,

Если верить, ну хотя бы, на треть,
Ты получишь эту велию твердь,
Белый сумрак без имён и измен,
Белый морок, белый сон перемен.
Ничего не видно здесь, кроме крыш.
В вольном мире облаков гладь да тишь.
Словно ветер, пролетают века.
Всё на свете — облака, облака

12.10.2009

* * *

Веретено.
Жарко и ветренно.
Ходит по кругу жизнь промеж пальцев.
День. Вечереет. Мелеет зеркало,
Душу твою растянув на пальцах.

Так не смотреть бы на площадь рванную
В лужах запёкшегося солнца!
Крутится небо, и, как окаянные,
Падают листьями веретёнца.

Длить бы и длить, как припев заученный,
Жизнь в ожидании высшей меры.
В этой игре полотняной случая
Не помогают соблазны веры.

* * *

Византийское лето
Прозябает в глуши,
Дождь, опутанный светом –
Продолжение души.

Глубиною венозной
Дышит тёмная гать.
И назад уже поздно,
И конца не видать!

Растворись в этом свете,
Никуда не спеша.
Очарованной смерти
Салютует душа.

Все вопросы – ответы.
Все ответы – одно.
Византийское лето,
Непроглядное дно.

2012 г.

ВОДОРАЗДЕЛ

Он любит плоть, он отдается плоти,
Но время, не подвластное ему
Спешит как нить в невидимой работе,
Ведя из тьмы, и уводя во тьму.
Затерт во льдах на рубеже столетий
Осколок жизни, вечная ничья,
Святой Георгий злое сердце метит
Оледенелым острием луча.

Во глубине вселенского некроза,
С державным смыслом перейдя на ты,
Поэзия, известная как проза,
Висит на пуповине немоты.
Плетет витиеватые узоры,
Чтоб замутить недружественный взор,
Во времена всеобщего позора
Она и есть свой собственный позор.

Потщится ледниковая эпоха,
Торосы громоздя, как бурелом,
Историю по ведомству Молоха,
По ведомству потомков Вавилон.
Бредут во тьме ответы без вопросов,
И пламя умирает без свечи,
И кто-то — добросовестный философ —
Бросает присно в омут кирпичи.

СРЕТЕНЬЕ

Возвращаются ветры
На круги своя,
Да не струги своя,
Да за други стоя,
И роятся фрамуги
Бельмом февраля.

Первобытная пря
В зачарованном круге
Начинает с нуля
И куёт в унисон,
Взмахом нетопыря
Завирает фасон.

И плывёт ксилофон
Возмущённой округи
В тихий омут
Воздушных антенн февраля,
Где шальных гиппокрен
Ледяная струя,
Где стоят якоря
В зазеркальном испуге,

Возвращая ветра
На привычные круги,
Возвращается память
На круги своя.

И филонь звонаря
Мреет в потной натуге.

DE PROFUNDIS

...Восплачь над безысходностью уходящего времени, Друг Века,
дождливой темной ночью,
как плачу я!
Ведь я Тебя не знаю, не узнаю, не захочу узнать.
Так плачут по усопшим на свежих могилах; не так ли —
в раскаяньи — пред иконой,
не так ли — я — бумажными слезами, —
нет, разумеется, —
но — время — по себе — не так ли?

За чистую монету скорби плачу:
— Господи, милостив буди мне грешному! —
Сохрани мой пепел и пепел этих страниц, осеннюю золу
предай забвению,
и плачь со мной, Друг Вечности, ведь любовь Твоя
уже наступила, пока мы спали.
И дождливая темная ночь.

1986 г.

* * *

Вот знакомая картина,
Сон нейдёт, душа горит,
Страх взыскует паладина,
Сарацин в углу сидит.

Есть закон дамасской стали:
Честен тот, кто одинок!
За улыбку милой твари
Иступить нагой клинок.

Поминая время оно,
Вновь форсировать Коцит,
Ввек не ведая урона
Промеж сала и мацы.

Износить стальное стремя,
Не пришпоривать коня,
Отпустить младое племя, —
Пусть пасутся окромя!

Что судьба! судьба — рутина,
А любовь — веретено,
Затерялась сонатина
В нотном стане Мажино.

Потому и непременно —
Башковит и даровит —
Добрый доктор Гийотене
Все печали исцелит.

* * *

Вот он, новый закат,
Вот он, новый рассвет,
Год окончен опять:
Новый год — новый бред!

Новогодняя ель
Вдаль глядит со стола:
За окном — канитель,
За окном — пастила,

За окном — леденцы,
За окном — холода,
Все начала, концы,
Середина, гряда —

Безграничен простор,
Но не видно ни зги! —
Белый дым, белый сор,
Белый шелест лузги,

Новый год, новый век,
Новый час, новый дом,
Новый лёд, новый снег,
Новый снег подо льдом,

Новый свет, Новый Год,
Что приходит средь тьмы —
Этот странный комплот
Середины зимы

В этой странной земле,
Где веселье есть грусть,
И стоит на столе
Оливье а ля рюс.

10.01.2013 г.

* * *

Время — это то, что даётся взаймы.
Срок возвращения долга откладывается
С часа на час,
С года на год.
Куда спешить!
Ведь никто не уйдёт
Из ловушки своего счастья.

* * *

Время потрачено попусту.
В грязной воде под мостом
Пятна плывут словно лотосы.
Страшно на месте пустом.

Вьется слоеное кружево —
То ли зима, то ли рай.
Ночь. Темнотою уютенной
Бродит вода между свай,

В жалкой попытке упрочиться
Гонит гнилые пары.
Боже! Твое Одиночество
Снова тасует миры.

* * *

Всё растерявши на бегу,
И в это надобно поверить,
Я всё дорваться не могу
До наглухо открытой двери.

Там свет во ослепленье глаз,
Привыкших к скупости тумана,
Там ждут, но, кажется, не нас
За дверью, яркой точно рана.

И мы, в ребячестве своём,
Уж чем богаты, тем богаты,
Себя опознаём зверьём
Пред входом, пламенем объатым.

* * *

Всё тягостней дни, всё нелепей,
С деревьев спадают листья,
От всех этих великолепий
Нигде не укроешься ты.

От жизни душа огрубела
И, возле кладбищенских плит,
Не то чтоб совсем не болела,
А, можно сказать, не болит.

* * *

Всё что может сказать
поражённый в правах пророчества
не выпускаемый из объятий сна
причастный к сказкам второго неба
имеющим стратегическое значение
без истечения срока давности
падучей звездой летящий
навстречу глине скованной льдом
скользящий
на конькобежном пространстве неба...

Всё, что он может сказать,
нам ни к чему:
его не поймёт первый прохожий,
второй не поймёт тоже.

* * *

Всё, что может случиться —
Случается
С точностью
Календаря:
Листок за листком.
Снежинка, приобщённая к сугробу,
А он

от этого

не больше.

Белый конверт
В синем ящике,
Там его ждут другие,
Как и он,
Обречённые одиночеству:
Белое молчанье, заляпанное типографской грязью.
Остаётся одна страница,
Которая чего-то стóбит,
Но это обрывок календаря.
И его уносит ветер,
Рывшийся на свалке,
Тоже — белый
И мёртвый...

ВСЕГДА
(Венок сонетов)

ПОСВЯЩЕНИЕ

На высоту гортанного полета
Восходит боль неведомой строки,
Уже недалеко до поворота,
И часовые строги и тихи.
Уже лепечет талая водица,
И благодать Господня так близка,
Что не годится высотой гордиться, —
Клевать учиться с общего куска.

* * *

I

Вернёмся к началу. Какая река
Оставила отмели наших сознаний,
Когда мы чурались имён и названий,
И всё ж лепетали на всех языках?
Когда мы — у млечности вечной в руках,
Во тьме обретенья, в огнях обретанья,
Как литеры, спутанные впопыхах,
И всё же живые — частицы Писанья.
Мы ждём, когда мастер расплавит набор
Под пеплом заката в горниле востока,
И небытия первозданный собор
Наполнит наш голос, молчавший до срока,
И каждый из нас, отрясающий сор,
Позволит себе возвратиться к истокам.

II

Позволит себе возвратиться к истокам
Дошедший до края покатога дня
В своей же бездарности мир обвиня;
Но ночь опускается по водостокам.

И каждой звездой высокого тока,
И шаткой слезою луны леденя,
Несчастливая участь лжеца и пророка,
В стогрешную душу ты целишь, в меня.
Мы соль не обретшая силы своей,
Напрасно взыскуя хвалы, как упрека,
Мы дно пересохших, но пресных морей —
Скорее бездарна судьба, чем жестока —
Рождённые в старчестве, станем старей.
Но мы — в нашем звании — нелеповысоком!

III

Но мы, в нашем звании нелеповысоком —
Вот всё достояние ранних седин:
Один перед Богом, с собой на один,
Один в паутине последнего срока,
Один в испытании последнего слога,
Свой раб, свой учитель и свой господин,
Лишь только бы памятью лживой не трогать
Ни белого снега, ни черных простынь.
Завистливый ум и жестокое сердце,
Отсчёт календарный, бумага, рука,
Мы ведаем, что оставляем в наследство —
Чернила сонета, кровь черновика.
Обманом звучит обнажённое скерцо
При глупом апломбе творить на века.

IV

При глупом апломбе творить на века
Короткая песня приводит к финалу,
Но горло упрямится мало-помалу,
Царапает рифмой бумагу строка,
Пока не упали куранты, пока
Они, словно четки, мусолят удары,
И вечности поступь — мгновенна, легка,
И время каменье ещё не настало,
Мы что-то успеем в сорвавшемся крике,

Как — фигу — в пустое бельмо старика.
Вините! Кляните! Казните! Простите! —
Скользят по Египту лучи маяка.
Но мы ощущаем ведущие нити —
Кому мы нужны? Чья больная рука...

V

Кому мы нужны, Чья больная рука,
Приявшая боль за здоровые руки,
Маячит в тумане, как символ разлуки,
И только во сне нас коснётся слегка,
Не знаем, но смертная наша тоска
В бороздках ладони читает излуки
Судьбы нашей, шрамы немого клинка,
Сулящего жизнь без надежды и скуки.
Мы брошены, сломлены, погребены,
Но полнятся наши глазницы востоком,
Мы мёртвые дети нежившей страны,
Мы все опоздали, родившись до срока,
И только незнание нашей вины
Страхует нас на гололёде жестоком.

VI

Страхует нас на гололёде жестоком,
Песком под ногами, случайная речь,
По ней не судить и её не беречь,
Забуть — оскользнуться, и помнить — морока,
Ни тайного смысла, ни явного прока,
Песок под ногами — перечь, не перечь!
Здесь каждый стремится с отвагой пророка
От грехопаденья тебя уберечь.
Сквозь сакраментальность трамвайных баталий
Священных могучих глубин языка,
Взведя свои нервы, как струны гитары,
И по уши вросши в трясины песка,
Ты вдруг понимаешь, что жизнь не истает
Доколе мы будем валять дурака.

VII

Доколе мы будем валять дурака
И в храме палить бесполезные свечи?
Скажи мне, Всевышний, ценою калечеств
Ты этот ли род искупал из греха?
Чтоб Слово Твоё пребывало в века
Ты выбрал достаточно крепкие плечи?
Ведь если Тебе не казалась легка
Обуза креста, — что юдоль человечья?
Как скоро угас жеребьячий восторг,
Где хмурость цепная искала пороки,
Где вёлся паучий удушливый торг,
И слово за делом не знало упрёка.
И как Ты позволил мне ставить шатёр
И кровь разводить фиолетовым соком?

VIII

И кровь разводить фиолетовым соком,
И клясться любовью вчерашних снегов,
Искать в обретении новых врагов
Особые знаки внимания рока,
Бессмысленно плакать, смеяться до срока,
Бояться теней, и огней, и шагов,
И мир наблюдая завистливым оком,
Протратить всю жизнь в сочетаньи слогов.
У боли на мушке, у страха на грани
Отстаивать с гневом резоны свои,
Поверить, предать и пойти на закланье,
Отречься, поверить, пойти в топоры,
Не зная, ломая хребет мирозданья,
Наступит ли бремя спокойной любви.

IX

Наступит ли бремя спокойной любви?
Успеет своим разрешением к сроку?
Казённая полночь подходит к порогу,
И крик раздаётся в рассветной крови,

И рушится небо родильной зари,
И светлая боль пламенеет высоко,
И все фарисействующие фонари
Не вправе судить обнажённость востока.
И всё совершается словно впервой,
Где скудность пророчеств — оплот фарисеям,
Но каждый клянется своей головой,
Что сам находился при запертом теле,
А бытность спешит по манежной кривой
К потерям, проходим, домам и метелям.

Х

К потерям, проходим, домам и метелям
Что можно прибавить? кусты? фонари? —
Казенного неба подобье норы
И катарсис ежеминутных истерик!
Мы страшное время таскаем в портфелях,
Примерные ученики до поры,
Нас мучат кошмары кровавых растений,
Где липкие капли роняют стволы.
Чем мы провинились среди прочих созданий?
Зачем мы мечтаем прорваться в цари?
По улочкам узким дамокловых зданий
Шалют сквозняки нашей первой любви,
И мы не просили высоких страданий,
Нас выбрало время, и мы — не свои.

ХI

Нас выбрало время, и мы — не свои,
Мы всё растеряли в манящем тумане,
Нас тело измучит, нас небо обманет,
Для нашей могилы не хватит земли.
Мы счастливы были, пока мы могли
Не верить, что счастье наше устанет,
И вот мы проснулись у края зари,
И руки тянулись без встречных касаний.
Мы поняли замысел нашей судьбы:

Быть пленницей-птицей узорчатой тени,
Но голос отдать в золотые сады,
Где он будет биться о внешние стены,
И мы не вольней, чем цветы и плоды,
И мы не счастливей камней и растений.

XII

И мы — не счастливей камней и растений,
И наше враньё уличат с головой
И гордость больная, и страх гробовой,
И тщетность в бессмертии искать утешений,
Итог бесполезности наших свершений —
Стать снова землёю, стать снова травой,
И наше сознание — сознание мишени
Пред звонкопоющей слепую стрелой;
Служение — тайные знаки упрёка,
Рождение — злобная воля земли,
Забвение — только незнание срока,
Творение — жалкие корчи любви,
Но мы в этот мир введены для урока,
И нам не позволено жечь корабли.

XIII

И нам не позволено жечь корабли,
Мы чиним кому-то ненужные снасти
И плачем ночами от боли и страсти,
Уходим, как в омут, в постели любви.
И слог наш безумен — поди повтори!
И плод наш отравлен оскоминой счастья.
Затеpli свечой казематы свои,
Гнилою водой запивая причастье!
Дежурит в оконце живая звезда,
Царапает светом стеклянные стены,
Меж нами столетья, пространства, беда,
Где шаткого воздуха гнутся ступени.
Мы, выйдя отсюда, войдем в никуда,
И нам не положено ждать отпавлений.

XIV

И нам не положено ждать отправлений,
Рождённые в смерти, у жизни в гостях,
И утро покоится в наших костях —
Полёт и оплот, и приплод поколений.
Мы дети отчизны бесовских борений,
Крепка наша память и тяжек костяк,
Когда бы не дерзостность стихотворений,
Мы б звали к барьеру за всякий пустяк.
Мы не рождены, мы посмели родиться,
Как смеет пролиться в чернилах строка,
За каждое слово мы платим сторицей,
Но эта цена до смешного низка.
Вернейшим из способов не повториться.
Вернемся к началу. Какая река...

XV

Вернемся к началу! Какая река
Позволит себе возвратиться к истокам?
Но мы, в нашем званьи нелеповысоком,
При глупом апломбе творить на века,
Кому мы нужны? Чья больная рука
Страхует нас на гололёде жестоком?
Доколе мы будем валять дурака
И кровь разводить фиолетовым соком?
Наступит ли бремя спокойной любви
К потерям, проходим, домам и метелям?
Нас выбрало время, и мы — не свои.
И мы не счастливей камней и растений,
И нам не позволено жечь корабли,
И нам не положено ждать отправлений.

С Рождества по Крещение 1990 г.

* * *

Вселенная ночам открыта,
И млечный бисер мечет с ног
Телец на глиняных копытах,
Скудельный пасынок дорог.

Как опрокинутая лава
С незамутнённой высоты,
Стремится звёздная орава
Закрыть зрачок от пустоты,

Но холод дикого пространства
Невольно сердце веселит...
Что — жизнь? Лишь след протуберанца
На черном бархате обид!

Мы в этот мир пришли со всеми,
Сжигая за собой мосты,
Быть может, мы всего лишь тени
Великой звездной пустоты.

* * *

Вспомни, девочка, — как снег,
За окошком скрипнет смех!

Твои рыжие глаза
Не обрящут ни аза.

В белом кафеле зеркал
Я тебя не отыскал б,

Если б твой покорный страх
Не двоился в зеркалах.

На простор всея Руси
Снежных жалоб не носи:

Здесь никто не именит
В белом кружеве ланит,

Здесь пустой концертный зал
Пальцы мёртвые разжал,

Тишина глядит в окно,
Ей, бездомной, всё равно!

Снег снижается, кружа.
Жили-были два ежа.

1992 г.

* * *

Вчера был дождь,
Сегодня — слякоть,
Вновь ничего не сочинил.
Февраль!
Достать чернил и плакать...
Как можно плакать без чернил?

* * *

Вчерашние роли
Становятся бредом и болью.
Рояль был расстроен,
И пальцы сводило тапёру.
Вчерашние роли
Сегодня становятся былью,
Рояль был расстроен,
И пальцы тапёру сводило,
И каждая нота
Неверной была и упрямой,
И с запахом пота
Смешалась разбитая гамма.
О, запах тоски!
Словно мы поменялись ролями,
Не беглость руки
По гниющему зеву рояля, —
Агония звука —
Смятение слуха и чувства —
Святая наука
И вечная правда искусства.

1988 г.

* * *

Вы знаете как сходит позолота
С нательных огнедышащих крестов —
Рябая кровь осеннего полёта
И чёрное парение кустов...

Что нам одним все детские забавы:
Летящие под ноги голоса
И шелест умирания кудрявый,
И грязь, и немота, и небеса!

Когда деревья предстают миражем,
И воздух, не сказать чтобы ядрён,
Но холоден, — и он стоит на страже
Тобой одним придуманных времён.

1987 г.

* * *

Вы помните нас, комиссары удушья,
Как тяжки подъёмы у лестниц воздушных,
Как пахнет ночным циферблатом беда?
Но если начать всё сначала: с начала
В холодное небо вырастает звезда,
Не нас она помнит, не нас привечала.

Курки взведены у карманных часов,
И тренькает время, как влага лесная,
И падает времени мёртвый засов,
Суть небытия по складам объясняя;

И – тайная мена холодной поры,
И – милой отчизны промасленный голос...
О, только б дожить до вечерней зари,
Чтоб глупое сердце о лёд расколосось
Золы неподкупной осенних костров,

На этой, пропахшей озоном и злобой,
Шершавой, и мёртвой, и круглой, как глобус,
Земле, одичавшей от звука часов.

1984 г.

* * *

Гамма пассажей,
Гамма событий,
Может быть даже
Стоило быть им.

Не опасаясь
Грозного тутти —
Гамма пассажей
В клавиатуре.

Я не могу
Это слышать, не каюсь,
Словно бегу
И во сне спотыкаюсь.

Гамма пассажей,
Гамма ступеней,
Гамма миражей,
Гамма спасений.

1985 г.

* * *

Где топчутся голуби мира,
Трава не захочет расти,
Но ты их с ладони кормила
Душою, зажатой в горсти,
Ты их с небесами сравнила,
И Словом, паря за версту,
Всемирные голуби мира
Слетались клевать пустоту.

Что нужно для твари летучей?
Не ею ли создан был мир
На тот предначертанный случай,
Чтоб кто-то с ладони кормил?
Что нужно для твари летучей,
Святой ипостаси Творца?
Не мучай, не мучай, не мучай —
Уже не отсрочить конца!

Зажатой подмышкой турбиной,
И, путая в клёкот слова,
Взовьётся косяк голубиный
С тех мест, где звенела трава —
Уже небеса полололо! —
И с пеплом наполненным ртом
Все хищные голуби Мира
Влетают в покинутый дом.

ГИПОТЕЗА

Как на речке, на Тунгуске,
Что-то в небе пролетало,
Лопотало не по-русски,
Что-то на земле искало.
Не нашло и улетело,
И осталось непонятно,
Что Оно найти хотело.
И зачем лететь обратно?

Или мы живём на свете
И влачим свои печали,
Чтобы всякие вот эти
Нас совсем не замечали?
Чтоб летали, где хотели,
Занимались пустяками,
Ну а мы бы всё терпели,
Ну а мы бы потакали!

Мы сегодня встанем рано,
Запалим по кругу ельник —
Чёртик лезет из стакана,
Вот наклюкался, бездельник —
Мы покажем этим дискам
Как вонять у нас озоном...
Пусть-те чешут по-английски,
И летают над Гудзоном!

* * *

Глубоким светом наполнено небо
И отражается в паутине,
Снова вбирает себя, как улитка.

Ком обожжённой глины
Хочет понять всё это, —
К счастью, ему не дано!

Вот он срывает яблоко,
Отныне он будет наказан.

Небо глядит безучастно
На стыд и корчи познания...

* * *

Голова Иоанна; тело его бестелесно, —
Хрупкий сосуд имени, наполняемый темнотою;
Пустые глаза, в них — остывающий ужас.
Риск пророчества
Сочится
Артерией горла,
Пачкая белое платье.

* * *

Гордая сказка
О всех, выходящих навстречу,
Гордая сказка,
Горькая гордая сказка.
Небо распластано тишиною
Слепого пространства.
Траур по времени
Ненаступления ночи.
Осторожная поступь
Часов уходящих,
Веков позабытых.
В небе свернулся котёнок –
Звезда,
Оглушённая болью.
Мимоспешащее время.
Холод снегов осторожных.
Тайна, открытая настезь.
Голь, что родится весною.
Бои часов привокзальных.
Горькая сказка о сущем.
И, как забвенье развязки,
Ненаступление дня.

1988–1989 гг.

* * *

Город розов и тих на закате своём...
Бесконечный мотив,
Бесконечное небо,
Бесконечна, мой друг,
Бесконечна как небыль
Эта быль, эта жизнь...

На закате своём
Город розов и тих,
Город розов и вечен,
Безупречны
Страницы тех каменных вех,
Словно где-то в траве розоватый
кузнечик,

Самолёт
В облаках
Забирается вверх.

Бесконечно,
                        бескрайне,
  безбрежно,
  безбожно
Это небо! И город — в тоске фонарей...

Самолёт
Высоту набирает,
                                тревожно
Белобрысым крылом наклонившись к земле.

ГОСПЕЛ

Ходит девочка Алёнка,
носит мёртвого котёнка,
всем прохожим говорит,
что котёнок крепко спит.

Просто — спит, совсем не дышит,
не мяукает, не слышит,
видит сон про лимб котят,
где котята сладко спят.

Тихо спят. Во сне не дышат,
не мяукают — не слышат,
белым облачком парят,
видят сны про всё подряд:

видят девочку Алёнку,
видят мёртвого котёнка.
Девять жизней — это ложь,
и одной не проживёшь!

10.10.2012

* * *

Господь, когда тебя бы не было,
А осень все-таки была,
И время закланное медлило
И раскалялось добела,

Врезало в горизонт обугленный
Пространств осенних витражи,
Все заусенцы и зазубрины
Тончайшей болью обложив,

И, переплавленная начисто —
Вся — чистотою янтаря,
Что даже временем не значитя,
И только значитя зазря,

Стояла б осень тихой кабалой,
Сама и горло и комок,
А листья падали и падали, —
И в этом мире был бы Бог.

* * *

Гости разъехались поздно,
Сразу, как нефть из пробоин,
В небо, в постели, под поезд,
В бухты квартир и обоев.

Суетно и беспристрастно
Их провожал Эмиль Гилельс,
В небо, в безумье, на гибель,
В первоначальство пространства.

Вот — закрываются двери.
Вот — начинается завтра.
Верю я или не верю
С полуостывшим азартом...

Верю я или не верю,
Но проверять не рискую.
Кто там скребётся за дверью
И пентаграмму рисует?

* * *

Грамматики российской непорочность,
Как рыбий жир в разбавленной крови, —
Со словарём повенчана заочно,
И с языком незнавшая любви,
Вся в том, что чья-то мама мыла раму
А Маша ела кашу сквозь слезу,
И неприступна, словно стих Корана,
И вся — помеха, словно сор в глазу.
Без помощи святой Святого Духа
Кто с ней поладить, старой дурой, смог!
Но на старуху найдется проруха.
И выйдет слово. И родится Бог.

* * *

Гудят подневольные снасти
О славе небывших побед.
Метелью распяленный наспех,
В больничном халате скелет,

Ты ждешь, что архангел прорубит
Окно, по колено в снегу,
Но гонор его трудолюбий
С погодой, как есть, не в ладу.

Лишь ветер, рыдая младенцем,
К утру, засучив рукава.
Затянет седым полотенцем
Моря, небеса, зеркала.

И с ночью играя вдогонки
Ты выберешь жребий простой
Лоснящейся радужной пленки,
Натянутой, круглой, пустой.

Так вот он, твой жертвенный ужас —
Снаружи, пустой изнутри
Твой мир, что подобных не хуже,
Твой рай, где парят пузыри.

ГУСАРСКИЙ ГОРОСКОП ДЛЯ ДЕТЕЙ

Только глянешь за порог,
За порогом Козерог.

Только выйдешь из дверей,
За дверями Водолей.

Рыба издали видна,
По плавучести говна.

С появлением Овна,
Рыбы уплывают на...

Но когда придёт Телец,
И Овну придёт пиздец.

С двух сторон торчат концы,
Это, дети, Близнецы.

С появлением знака Рака,
В середине зодиака,
Вот такая, дети, срака!

А за сракою, сперва
Обнаруживаем Льва,

А за Львом, не дать не взять,
Тётя голая как Дева.

А теперь, снимай трусы,
Становись, брат, на Весы!

С приближением Харона
Не дразните Скорпиона.

Обогните хер Стрельца.
Мы добрались до конца.

Вот мы снова у порога,
Но с рогами Козерога.

* * *

Да будет легчайшей заботой
Нелёгкое бремя моё...
Но кто там — и кто там! — да кто там!! —
Как деву, сминает жнивьё?..
Летят азиатские стрелы,
Стеною пылит татарва...
Но плат подымается белый,
И грозно глядит голова.

В своём еженощном покое
Уснуть не удастся в тиши —
Всё те же мятежные строи
Изводят посевы души.
И пробует стойкость изгоя
Родная твоя темнота, —
Подымешь ли плат над собою?
Поможет ли знамя Христа?

1986 г.

* * *

Да будет твой полёт высок
И светел,
Мой неприметный мотылёк,
Мой ветер,
Сквозняк — сквозь все материки,
Сквозь годы
Касанье лёгкое руки, —
Погоды
Тебе! Я знаю наперёд,
Приметил,
Твой убывающий полёт
Сквозь ветер...

1981 г.

* * *

Да кто из поэтов был счастлив —
Известно ему одному,
Какое из сказочных царствий,
Ни сердцу ни зги, ни уму,

Везде — удила и запреты!
За тонкой оправой стекла
Посмертная слава поэту
Вернула хоть каплю тепла?

А слава бежала вдогонку
Сквозь выпранный сказочный сон,
А слава хотела ребёнка,
Да знала, что он обречён.

* * *

Той, что живет на крыше.

Давай ненастные стихи
Оставим на потом, —
Пустырь — ноябрь тебя прости! —
Карминовым кустом.

Неблагородная земля,
Но тёплая, как плоть,
Ты в сотый раз начнёшь с нуля,
Чтоб небо побороть.

Останься верен сам себе
И не страшись утрат,
Невыносимо гольтьбе
Глядеть в эдемский сад.

Пустырь — твоя душа пуста,
Ноябрь тебя возьми!
Неопалима т е н ь куста,
И ты — в е ё тени.

16.11.2010

* * *

Давайте вернёмся к домашним театрам,
Где слезы фальшивы, но трогают как!
Где нету аншлага, где нету антракта,
И каждая нить в неумелых руках.

Пусть завтра Офелией станет Отелло,
Сегодня он грозен и страсти кипят,
Полоний за шторой, а надо б – портьерой,
И Гамлет в финале получит инфаркт.

* * *

*Мы всё свое время убиваем время,
А время всё время убивает нас.*

Даже время кончается время от времени.
На стигийских лугах ледовитых америк
Ломовая история, сивым меринном,
Сено жует и в овес не верит.

Даже время кончается, даже sóчиво
Не накормит пять тысяч семь раз в неделю,
Напряжение сумерек так отчетливо
Словно след конца света в конце тунеля.

Время вписано в круг пустоты материи,
Где живет в часах заводное эхо.
Что же всадник, имеющий меру не меряет
Голубых провалов сквозного нефа?

Что же в этой цепи перепуталось звеньями,
Ночь погрязла в соблазнах и чудесах,
Словно время твое собирает камни,
Там, где время чужое стоит на часах?

Здесь святая святых твоего одиночества,
Близорукая ночь, Маракотова тьма,
И кончается время, никак не кончится,
Не кончается время, а сходит с ума.

* * *

Даже лужам явлена
Эта любовь,
В них отражается небо.

Прощенье, вымоленное вчера,
Утром под коркой скопившейся грязи.

Проще простого не согрешить,
Надо только
Быть о ч е н ь мёртвым.

1990; 2013

* * *

Даже от полуправды
Появляется странный привкус.
Ты
Хватаешься за перила,
Запрокидываешь голову, глотая слёзы,
И улыбаешься,
Не веря...
Что я могу тебе сказать!

ДВА ГОЛОСА

«Не буди меня. Чакона,
Отпусти меня, прости,
Злая воля лепрекона,
Скрипкой сжатая в горсти,
Драпированная мглою
Ледяная глыба дня,
Иль пред млеющей струною
Нет виновнее меня?»

«Есть на свете только ветер,
Только небо и зола,
Пустоты тончайший пепел,
Облекающий слова,
Он в колоде балаганной
Пятой мастью козырной,
Чако — оной Иоганна
Перерезанной струной.
Млечный Путь ночами светел,
В тусклом нимбе два крыла...»

«Неужели я
В ответе?
Неужели ты
Права?»

ВПОЛГОЛОСА

«Двигается размеренно и пресно
Жизни проторенная стезя,
Карю небес опять воскресну
В мире, позабывшем про Тебя.

У ворот обещанного рая,
У чугунных запертых ворот,
Может, ждет печаль меня иная,
И иная участь настает.

Блудный сын, не ведая о бывшем,
Подбирает громкие ключи...
Сжался, и о полдне позабывшим
Зренье дай, и не оставь в ночи,

Не оставь, не обойди покоем,
Свой посев до жатвы сохрани,
Стань обетованною строкою,
А потом, забвение верни!»

1982 г.

* * *

Двойник мой, тайник мой, позволь мне дождаться и
Ненастных погод четверга,
Где грязные пальцы дежурной овации
Украдкой тасуют года,
Где тяжко — влачить своевольную жалобу,
Где крест распирает окно,
Где с топотом гулким в мехи обветшалые
Вольют молодое вино,
Где только и есть суеты подневолия,
Что светом ночным пренебречь,
Где в пятницу утром в твоём изголовии —
Седьмая сермяжная речь.

* * *

Двор матово-чёрен,
Свет свадебно пресен,
Здесь каждая нота стоит на крови,
Молчанье твоих нескончаемых песен
Поди повтори!

Удушью тяжёлому дверь отвори
В глухие пролёты сомнамбулы лестниц.
Здесь мёртвое зренье струят фонари,
И музыки тайный язык неизвестен.

Спадает с небес поволока дождя
Вся в тайне рожденья и первого крика,
Не надо скупиться — любовь безъязыка,
Надеяться нужно,
Молиться нельзя.

* * *

Дедушка Павлов очень любил собак,
Дедушка Ленин очень любил детей,
Он их любил так сильно,
Он сильно любил их так,
Что ни одна собака не собрала костей.

Дедушка Авгий очень любил навоз,
Дедушка Мендель очень любил горох,
Но от гороха происходил понос,
А из поноса происходил горох.

Дедушка Питер очень ценил прогресс,
Город построил он посреди болот,
Дедушка Дарвин обосновал процесс
Боготворенья мира наоборот.

Дедушка Ницше боготворил успех,
Он его так любил, что себя убил,
Дедушка Яхве очень любил их всех,
Только они не знали,
что Он их всех любил.

* * *

Декабрь. Сезон ликантропий.
Дуреет снулая округа.
Забытый временем пустырь,
Пустей, чем циферблат испуга.

Знать, жирной грязи ноября
Не вышел срок. И кто услышит
Как волчья сыть календаря
Скребёт копытами по крыше?

Что, Санта! Выворотный мех
Есть знак родства или сиротства
Под временем, текущим вверх
От Рождества до Первородства?

Мужайся! Наше ремесло –
Увидеть в глубине отдушин
Звезды богемское стекло,
Которой будет мир разрушен.

08.12.2006

* * *

Дерево на углу
Помнит своё небо,
Когда-нибудь оно там очнётся.
Дождь.

* * *

*Беспрестанное скрещивание молний,
что в народе, не знаю почему,
так чудесно и убедительно
называют «воробьиной ночью».*

М. Цветаева

До воробьиной ночи
Осталось полгода,
Да и зачем тебе всё это! —
Лучше возьми шаровую молнию,
Сними её с ёлки, —
Рождество позади;
Рождество впереди,
Но это
Уже
Через
Год,
Через весну и осень,
Где-то затерялось лето,
Принадлежащее воробьиной ночи —
Неувядающий
Цветок
Папоротника.

1988 г.

* * *

Дождём омытая окрестность
Блестит поддельным серебром,
В газоны, как в нутро контекста,
К корням — слепым — поводырём
Дождь проникает и врачует
Уставшей жизни благодать,
И листья мокрые не чувят,
Что начинают увядать.

Меж тем, как осень мягкой лапой
Идёт по вымокшей земле, —
Меж тем всё явственней накрапы
Звучат в желтеющей листве...
О, реминорная токката,
Твои ли трубы возлюбя,
Отец всех в нищете богатых
Вмешался в музыку дождя!

Пусть оголяется окрестность,
Пусть листья жгут на сквозняке,
И пусть российская словесность
Поёт на птичьем языке.

* * *

Дождик маленький прошёл
В доль по улице большой,
Проскакал на серой мыши
Тополиною паршой.
Отпустил его старшой,
Тот, что всех дождей превыше,
Прилучаться мокрой крыше
Беспризорною душой.

Он, почти что, невесом,
Ходит в небе колесом,
И следы его босые
Стынут в воздухе пустом.
Но в полёте холостом
Он послушен только шири,
Где под внешностью фуфыри
Копит страшный флогистон,

Барабанщик ста небес.
Отголоском дальних мест
В груди стареньких домишек
Затерялся мелкий бес.
И теперь — наперерез —
Он стоит и еле дышит,
Словно он себя не слышит,
Словно он совсем исчез.

Весь он соткан из пустот,
На просвет — воздушных сот
Не поймёшь уже, пожалуй,
Тот — он, или же не тот:
Обращая время в лёд,
Обращая к небу жало,
Огнедышащим стожаром
Чешет задом наперёд.

* * *

Дождь — есть тайна,
Грязь — есть тайна,
Асфальт — тайная тайна,
Вечная тайна хлюпающих шагов.
И только ложь, что все поправимо,
Слишком откровенна
Даже
Для себя.

* * *

Дождь мокрым лицом
Прилип к стеклу.

Здесь каждый цветок —
Бессмертник.

1988 г.

* * *

Дождь начинается утром.
Дождь никогда не окончится.
Время считают минутами,
Дождь измеряют бессонницей.

Это — начало для повести.
И не уйти от начала...
Дождь никогда не окончится,
Дождь суеты и отчаянья.
По невозвратному времени
Дождь, словно плач: — Это ты ли!
Срок пробуждению, мистерии,
Голосу и ностальгии? —
Это — декабрь за окнами
Всё выкликает по-птичь, —
Мой неопознанный родственник —
Лгун, лебеза и обидчик.
Это зима окаянная
(Я ей не смею перечить!)
Незаживающей раной —
Дождь высылает навстречу.

Время накапливать камень.
Время подтягивать силы.
Время второго экзамена
И неподкупного стиля.

1978 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Под ярким светом потолка,
Под строгим взглядом с антресоли
Я прорастал наверняка,
Горошиной в стручке фасоли.

За отмель млечного песка —
Случайный выбор лотереи —
Храня инерцию пинка,
Мой дух покинул эмпиреи.

Я потерял себя, но речь
Во мне блуждала бездорожно,
Как то, чем можно пренебречь,
Как то, чем пренебречь не должно.

Сведя отметины пути,
Пустынным страхам суеверна,
Душа томилась взаперти.
Зря! Пустота Твоя безмерна.

Как семя, брошенное в грязь,
Оставленный без прав по праву,
Я прорастал, не торопясь,
И я пророс Тебе во славу.

Я всё растратил. Что беречь!
Сума пуста. Душа порожня.
Я — то, чем должно пренебречь,
Я — то, чем пренебречь не можно.

Боюсь, что стану привыкать
И торговаться поневоле.
Как может в небо проникать
Горошина стручка фасоли?

Так пламя, сжатое трубой,
Звучит протяжно и плаксиво,
Но что Ты хочешь! — пред Тобой
Лишь глина, что себя месила.

Всем этим можно пренебречь,
Всем этим пренебречь не можно
В обители случайных встреч
В прокисшей млечности творожной,

Здесь свет, помноженный на мрак,
Здесь голубь спутанный с любовью,
Здесь Ангел, загнанный в бардак..
Ну что Ты,
Я не прекословлю!

ТЕРРИТОРИЯ ОЗ

Дорога.
Дорога жёлтого праха...
Последняя из надежд...
Без видимой цели...
Взвод, запевай!
— Мой милый Августин,
Мой милый Августин,
Господи помилуй! —
Наши следы — впереди нас.

* * *

Дороги строят дураки,
Дороги дуракам мирволят
Над тихим омутом реки
Кабалистических символик,
Где переправы огоньки
Роятся сумраку навстречу,
И звезды страшно далеки,
И Млечный Путь покат и вечен.

Зарывшись в мох материков,
Дороги путают поводья,
Дороги кружат дураков,
Как ветер щепку в половодье.
В полях возлюбленной тоски
Белеют сонно асфодели,
Дороги, тоже дураки,
И горизонтом не владеют.

Блуждает посреди болот
Необъяснимая лампада,
Готовит тьма переворот,
Грядет Вандея листопада.
В хрустальный август стариков
Под небом в полтора карата
Дороги строят дураков
И ополчают, брат на брата.

* * *

Душа, беги высоких истин,
Смотри, как хлещет листопад,
Как падают на землю листья,
Как листья по ветру летят.
Последний раз легок и сочен
Их вызов, брошенный траве,
Как будто множество пощечин
Таила осень в рукаве.

* * *

Душу мою усопшую помяни!
В том, что негодна была пред Ним,
В том, что гноилась блудом чужой вины, —
Гноем к земле ушла, в облака — как дым,
Телом разбуженным правя в ночном бреду,
Мучила память звуком шальной струны,
И умирать учила семь раз в году...
Душу мою нетленную помяни!

Где понятые крови моей? — они
Шепчут слова забытые, как и я:
Душу мою воскресшую помяни,
Господи, Духом Владычным храни ея.
В мире, где лжёт провидец и лжёт пророк
Душу мою ослепшую сохрани
Там, где стихи читаются между строк,
Белою тишиною полонены.

1986 г.

ДУЭЛЬ

Когда Он вышел, наступила ночь.
Нокдаун свыше... Ринг гудит от боли...
– Вставай! Ты слышишь! –
Стань крупинкой соли,
Достаточной, чтоб сладость превозмочь.
Он – только то, что ты не сотворил,
Всё и ничто, подобье совершенства,
Точнейшее из множества мерил,
В Нём пустота, и вечность, и блаженство.
Он – мост над Летой, остальное – сон,
Он эскимос с путёвкой на Гавайи,
Он вечный часовой недели вайи,
Он – только ты, но ты не только Он.
Вставай, Иаков, близится восход.
Спят жёны, овцы, тишина какая!
Ещё один недельный переход,
С ногой, разбитой о границу Рая...

01.04.2009

ЕВХАРИСТИЯ

К ногам шершавой чешуёй
Спадают высохшие кольца.
Шестиугольное оконце
Над непокрытой головой.
Простоволосые права
Дичатся знака препинанья,
И робко шепчут заклинанья
И хлеб терзают повара.

Слепой забег по краю рва,
И тайна, близкая к мокрухе, —
Из шестикрылой заварухи
Спасутся, разве, два крыла!
Перебродивший как вино
Тяжёлый свет над головою
Промеж крылатою виною
И небом, что не суждено.

* * *

Если Вы хотите рассмешить Козерога,
То я Вам несколько не завидую –
Коснитесь холодной стены,
И скользните в гулкость чёрного крена,
Холод тараканьих пробежек
Предскажет будущее,
Повторяйте «Отче наш»,
Пока окончательно не наскучит,
Разбейте хрустальный плафон,
Опрокиньте маятник Времени,
Будьте всегда здоровы,
Носите только чистые носовые платки,
И только в жилетном кармане,
Просыпаясь, твердите: «С добрым утром!»,
Торгуйтесь с каждой падающей звездой,
Будьте демократом,
Не участвуйте в референдуме,
Обязательно пейте рыбий жир:
Двадцать капель на стакан касторки,
В заявлении в домоуправление
По возможности избегайте глагольных рифм.

И если Вам всё же не удастся
Рассмешить ни одного Козерога,
То Вы, по крайней мере,
Проживёте большую и счастливую жизнь,
В чём я Вам несколько не завидую.

* * *

Если глубокой ночью остановить все часы,
Затаиться и не дышать,
Не грезить, не зажигать свет,
Не стучать сердцем,
Не шуршать ресницами,
Впитывать темноту
До полной неразличимости тока крови —
Тяжёлый прибой тишины,
Похищающий память,
И кто-то — одинокое дерево,
Зашедшее в ступоре танца Шивы.

АНТИТЕЗА

Если Муза с перепугу
Наградила тебя светом,
Становись, дитя, сольпугой,
Но не становись поэтом.

30.07.2012

* * *

Если слепой поведёт слепого,
Если они соберутся толково,
Если они встанут утром и по во—
де, словно по суху, выйдут из дому —
Каждый найдёт на дороге подкову,
Или нащупает Духа Святого,
Или завидовать станет другому.

Если святой поведёт святого
Вдаль от тенёт и родного крова,
Если, ночного стыдясь покровы,
Выйдут из дома, не оглянутся,
Если они не нашли алькова,
Значит ослепли они и снова
бродят по миру, ища вернуться.

* * *

*Пой, соловей,
Невидимая птаха...
...гортань – слеза.*

Т. Крещенская

Есть в песне соловья не нужные длинноты,
И лишние щелчки, и ноты в разнбой,
Синкопы, паузы, как будто хочет кто-то,
Не внемля правилам, остаться лишь собой.

То темнота поёт, её ты слышишь кожей
И нервами от уха до зрачка.
Как на веселье это не похоже,
Прозрение, презрение щелчка.

Чему ты учишь, ночь, через гортань поэта,
Так цвета – нет тебе – лишь свет – тебе горит,
И это – смерть в тебе – твоё желанье света!
Но маленький певец о том ли говорит?

* * *

Есть время камни собирать,
Дождём благословлять потери,
Есть время руки отирать
От грязи днёвной канители.
Есть время, времени всё нет,
И слов постыдно не хватает,
И Герман — трéфовый валет,
И дождь никак не утихает.
Не создавай иных преград,
Чти одиночество прогулок,
Где ночь, как пьяный Гиппократ,
По каплям цédит переулок.
Благословение дождя
Упрямо просится наружу,
Есть время, только для тебя, —
Не сохранить и не нарушить!

* * *

Есть время подведения итога,
Не то чтоб окончательного, но
Уже маячит впереди темно
Крутая бездна дальнего порога.

Здесь, в суете возвышенного слога,
Не каждому преткнуться суждено,
Но те, кто пал на сумрачное дно,
Глядят в тебя взыскующе и строго.

Они в твоей судьбе имеют часть,
Учителя, прошляпавшие небо,
Но верен звук, и ниже не упасть.

Твои же козыря всегда не в масть,
И вот опять строка не задалась,
И ты невольно думаешь: «И мне бы...»

1990 г.

* * *

Есть простота дороже воровства,
Есть воровство, что простоты дороже...
Вся пустота тетрадного листа
Всех смыслов содержать в себе не может,

Но лишь один! И суть его проста:
Поверх клеймённой грифелем бумаги —
Косое начертание креста —
Сакральный смысл всеведущей отваги.

* * *

Ещё не холодно к утру,
Листва желтеет не надсадно,
Ещё предателю Петру
Не горько, лишь слегка досадно,

Ещё осеннему костру
Помину нет. Ещё не слышно
Как лист склоняется к листу:
— Что, помирать? — Так время вышло! —

Ещё не прейден Рубикон,
И шарф пока еще не нужен,
Ещё молчанье — испокон,
Ещё воитель безоружен...

И как не страшно умереть
До холодов, перед снегами,
И лишь души не отогреть,
И лишь душа за холодами —

Ей внятн холод похорон,
Листвы святое возжиганье,
И дождь, и дождь со всех сторон,
И все петровские страданья.

* * *

Ждёт напряженно
Тепла саженец сливы
Впервые, в этом
Году ему предстоит...
— Какие они — цветы?

10.04.2013

* * *

Желтоглазых домов домино.
Листья падшие в лужах скользят,
И стучатся в ночное окно
Маслянистые пальцы дождя.

Тишина в этом мире пустом,
В самом жутком из Божьих миров...
Шевелит облетевшим листом
Старый дворник у новых ворот.

* * *

Желябов, Желябов,
Брось в царя бомбу,
Не бойсь ежели не промажешь.

Все равны перед Господом,
Не равнее ли ты прочих —
Что с того как если повесят?

...Плывут пароходы,
Привет Андрюше!
Летят самолёты,
Лежишь, спокойный.
А пройдут пионеры,
Так Бог уж с ними...

Не ходить тебе боле,
Мил парень, по Невскому,
Не гулять посеред
Люда глупого,
С бомбою
Атóмною
За пазухой.

* * *

Жернов моей печали
Медленно вращается
В открытом для этого небе.

Жернов моей печали –
Собачьей тоски жернов.

Жёлтая мука на воде покорного озера.

Разве кто-нибудь поймёт,
Как луна истончает души
Мерным движением
Своего
Полнолуния!

* * *

Жёсткая шерсть газона
Спутанные травы
Сухие травы
Звёзды тянут хоботки света
Неуклюжие
Как трава
Нет ничего печальней этой ночи

* * *

Жизнь — доверчивая сводня —
Охмуряет между строк.
Пьём за здравие Господне,
Потому как умер Бог,
Пьём за здравье Автократа,
Наугольник топора,
Ложь обычного формата
Вечно лезет за края.
Расплескалась паутина
Серым саваном пути —
Спи спокойно, Палестина,
Тихий омут не мути!
Косолапые мессии,
Поверяем на рыси,
В чём отличие от России,
Прости, Господи, Руси;
Бородою в конском мыле,
Засучивши удила,
Мы хлебов поналомил,
Понатмили зеркала...
Небо, цвета капучино,
Непокорное узде,
Где висит нагой мужчина
Как подкова на гвозде.

МАКСИМА

Жизнь временами
Ужасно дурная штука.
А если жить постоянно?
— Упаси, Господи! —

* * *

Жил да был Зенон –
Зачинатель ссор –
Всю дорогу он
Вёл с Зеноном спор,

Вопрошал Зенон:
– Как идут дела?
Отвечал Зенон:
– Не летит стрела!

А когда летит,
Как велит канон,
Долететь стреле
Не даёт Зенон.

Посидел Зенон,
Покурил траву:
– Это страшный сон...
Зачеркни стрелу!

22.06.2013

* * *

Жить в этом городе нельзя,
Здесь теряются пространство и время;
И холод мятного наречья —
Жестяной колокол молвы.
И каждый раз между строками
Слово, как пойманный кузнечик,
Мягкое слово с острыми челюстями
Выбирается, как из горсти, на волю...
Приближается День Святого Духа.
Чай, разлитой по чашкам,
Пузырится грязноватой пеной.
Неслышно идут часы.
В потерянном времени больше пространства,
Чем в пиале самой большой площади
Этого города. Снег, ставший грязью,
После высушенной, кормит деревья.
Пространство — это ветер. Город
Отдан ветрам на поправку;
Небо растрескалось, и из дыр
Проступает янтарная смола жизни.

1985 г.

* * *

За десять минут до смерти
Я всё еще буду жить,
И облако синей тверди
По-прежнему будет ждать.
И нет ничего, поверьте,
Что стоило бы сложить,
И что нельзя было бы вычесть
Из суммы всего, что жаль.

Поскольку сгорают свечи,
Постольку стекает воск.
Гуляет Улисс неметчин
В толпе говорливых слов.
Отверзни пустые очи,
Пей сок не раскрытых звезд!
А прошлое, между прочим,
Не стоит ни слов, ни снов.

Когда же холодный вечер
Тебя приведет туда,
Где звезды дрожат как свечи
В бездонных кристаллах льда,
Простором слепым отмечен,
На той стороне межи
За десять минут до встречи
Я всё еще буду жив.

* * *

Забудь все домыслы приличные,
Которых разумом не слышишь,
Покуда сумерки привычные
Когтем цепляются за крыши.

Ты обречён своей свободою
Одной абсурдности служенья,
Ночным кружениям по городу,
По городу ночным кружениям.

Тебе — прорваться за окраины
Изнеженного циферблата...
Твоё евангелье от Каина
Уже написано когда-то.

* * *

Забывая счёт и стыд,
В воздухе покорном,
Дождь покорном моросит,
Чужеродным сторно.

Ночь горит, как антрацит,
Дьявол спит в тумане,
Ангел в воздухе висит,
Фиг держа в кармане.

После нас — потоп и грязь!
Только ссыт на крыши
Белый Ангел, заголясь,
Но никто не слышит.

Звёздный повод ременной
Не дано ослабить,
Видно Ной идёт иной,
Отверзает хляби.

Лунный Спас читает в нас
Азбуку иную,
И никто в последний час
Драки не минует.

Монотонностью касид,
Темнотою света,
С облаков течёт Коцит
Вечного Завета.

ПРЕДПОЛНОЛУНИЕ

Забыть всё.
Забыть всех —
забыть — забиться в угол за шкафом —
авось, не выдаст!
Выдаст.

Сделать из обрывков памяти
воздушного змея — и
оборвать нитку.
Хороший пример для Мойры.

Расстрелять все патроны вхолостую —
жизни не хватит!

Но — укрыть памятью жёлтой листвы
грязь собственной памяти —
это первый экзамен.

ЗАЙЧИКОВАЯ БАЛЛАДА

Ходит дедушка Мазай,
Лупит зайцев по мозгам,
Потому что, потому,
Жалко зайчиков ему.

Очевидные враги
Зайцам лишние мозги,
Потому, крича: «Банзай!»,
Ищет зайчиков Мазай.

Заяц, заяц, ты могуч,
У тебя в усах сургуч,
На устах ебёна мать:
«Руфский фум – нэ понимает!».

Вот выходит из-за куч
Дед Мазай, таща кирпич,
Что придумал старый хрыч,
А еще интеллигент!

Вышел зайчик погулять
В безответственный момент,
По мозгам его попал
Вечной славы пьедестал.

Раз, два, три, четыре, пять,
Начал зайчик подыхать,
Но блеснула, словно меч,
В лунной мгле родная речь.

Раз, два, три, четыре, пять,
Начал зайчик протухать,
Гнев богиня восплет:
Зайчик пал как патриот.

По расплеснутым мозгам
В челноке плывет Мазай
Без ветрил, как без руля,
Тихо зайцев матеря:

«Зайчик, зайчик, выходи,
Подбери свои мозги,
Не бросай их на пути —
Не проехать, не пройти,

Зайчик, зайчик, ай лав ю,
Будем завтра же в раю,
Где ты, зайчик?!» — тишина,
Ни ответа, ни хрена.

В чистом поле под Луною
Дед Мазай подобен Ною,
Он — полпотовский агент,
Держит путь на Карфаген.

В чистом поле ветер свищет,
В чистом поле зайцев тыщи,
Огоньками у реки
Засветились косяки.

Смотрит Заяц на Мазая,
Вечный смысл осязая,
Из-за леса, из-за гор
Лезет пьяный Кьеркегор.

Средь отеческих развалин
Ходит, бродит папа Сталин,
Водит зайцев на цепи,
Чтоб Мазая не пройти.

Хорошо им всем на воле
Кайфовать на минном поле
Во все ночи, во все дни,
Жизнь прекрасна, спору нету,
Пока не требует поэта
К священной жертве Хомейни.

ЗАКЛЯТЬЕ ХОЛОДОМ

Белее бледного
Тоска зелёная
Полушка медная
Да раскалённая
Кружится по ветру
Чужак расхристанный
На ведро по утру
Звеня монистами
Морочит кичкою
Сарынь на Язу
Щебечет птичкою
Судьбу да клязу
Червлёно золото
Чернёно серебро
Безгодно холодно
Сиянье Севера

Достатно надобно
Прожить не мучаясь —
Достать до надолбы
Земной зыбучести
Где берег Беринга
Серьгой проколотый
Где бредят пеленги
В сияньи холода
Где всё посеяно
Судьбой колючею
В туманно серебро
Речной излучины
Разбито в крошево
Звездой обрушенной
Твоё бесстрашие
Душа — оружие

1994—1996 гг.

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

Замшевый воздух. Ласковое время пушкинской ипохондрии.
Прикосновение чешуйчатого четвероногого друга. Солнечный
шрам на руке — банальность... Стоит ли помнить все имена
отошедшего лета? Ветер кричит в проводах. Банным листом
отлетает окрестность, словно завшивевшая тональность.
Как узнаваемо время — две тысячи раз! И в первый раз,
как в последний.

* * *

Запоздалая осень
Без начала и срока...
Не ищи соответствий
В вязком омуте стиля...

Запоздалая страсть
По высокому стилю Растрелли.

Этот город пребудет
Вечен, как вдохновенье.

Только мы — преходящи —
Спасенье имен в повтореньи,
Зябко смотрит прохожий
В осеннее блеклое небо,
Теплым запахом кожи
Повеет с «Данаи» Рембранта,
И, быть может, уронит к ногам
Цветок с головы Дионисий.

ЗАТМЕНИЕ

На солнце наползает тень,
Наивно жаждущая света,
И умирает юный день,
Застрявший в сердцевине лета.
Стихают птицы до зари,
Пчела не покидает улей,
Уходят ввысь нетопыри
Слепой трассирующей пулей.
И ночь вступает в стремяна,
Пусть ненадолго, но всевластно,
Но сгустки черного огня
Питают солнечное масло.
Сомненьем Босха воспарив
В святых прозреньях Рафаэля,
Тушь выбивает на пари
Последний дух из акварели.
И тени смотрят свысока,
И звезды, в жалости колючей,
Как время ищет дурака
Или слепца, на крайний случай,
Где волосата, как паук,
В тенётах солнечного света
Висит холодная планета
Монетой, выпавшей из рук.

* * *

Звучит расстроено и странно —
За всё! — от пятки до носка
Игрушечного фортепьяно
Большая детская тоска.

В чередованьи чёрных, белых
Провалы, ссадины, ряднó.
Недоуменного предела
Плутается веретено

Рукой, обученной неволе,
Навыкшей сдаче десятин,
И косолапые триоли —
Шеренгою сутулых спин.

Триумф гармонии корявой
Скрепляет тяжесть плоскостей
Сквозь детский плач и пот кровавый
Тутанхамических страстей.

Отец-судья и Бог-свидетель
Отважных каторжных затей,
Смотри, мы мучимся как дети
Над нотной грамотой твоей.

* * *

Здесь властность сентября
Неведома, покуда
Все начинать с нуля
Дозволено, и чудо,
И — холодом глазниц —
Ослепшими цветами —
От нежных власяниц
Израненная память.

Так было всякий раз.
Не внове для растенья
Длеть увяданье в нас
И гибель. Постепенно
То лето, что кусту
Прикажет плодоносить,
И ягода — во рту,
Но косточка в ней — осень.

05.06.2010

* * *

зима осени наших сердец

тихо идёт снег
непереводимый
ни на один язык мира

1990 г.

* * *

Зимы последняя монета
Холодной плоскости полна.
Осколок выпавшего лета
Звенит в руках как тишина.
Скрещенье молний молодое —
Для воробьиного крыла.
Спешит расстаться с головою
Идущий нынче по дрова.
И — грома опоздавший гений, —
Катая камешки во рту,
Он вспугивает сон растений
И умирает на лету...
Скажи, да разве это мало —
Увидеть огненосный крест
В горячем воздухе металла
В крови разорванных небес!

* * *

И горшки лепить,
И стихи уметь,
И собой не быть,
И тобой не сметь,
И ловить слова
Пересохшим ртом,
И входить как в дом
В одряхлевший том.

Тишина права,
Суета права,
У обеих есть
На тебя права,
И горчат слова —
Пряязычный бред —
Говорится: «Да»,
А молчится: «Нет».

Я живу, как свет
Посередь зеркал,
Я, как вмятый след,
От пяты отстал.
Я — как вмятый след,
До краёв вода...
Говорится: «Нет», —
И грядёт беда.

* * *

И ты, Копернаум, до неба вознесшийся,
До ада низвергшийся, и ты, Копернаум, —
Осеннею пылью держаной столешницы,
Сметённой слепым колдовством и туманом,

Ты высишь ещё купола подневольные
Безвольною похотью стёршихся граней,
Ты горд и напрасен, к чему суесловия,
Отвергнутый Сыном своим, Копернаум.

Осеннею влагой, раздаренной запросто,
Парящей листвой, запряжённой обманом,
Домами твоими, хотящими впуски,
Ты долго ещё устоишь, Копернаум.

Ты цедишь свои сквозняки приворотные
Гнилыми зубами решётчатых шлицев,
А время бредёт площадями голодными,
Плотней запахнув на себе плащаницу.

* * *

И, если кто-то плачет по разлуке,
Отдай его велению ключа,
Где тайнописи ведомые звуки
Идут во тьму, растение ища,

Где падают дожди
Слоновой кожи,
Где сон с карандашом наперевес
Рассказывает вечность непохоже,
В незримом прорастании древес.

ИВАН КУПАЛА

Не найти в этом небе просвета,
И горят голубые огни,
Наступает смертельное лето
Белым светом своей крутизны.
Распрямились упрямые кроны,
Как пружина заглохших часов,
Горек хлеб евхаристий зелёных
Уводящих во тьму голосов
Тихой сапой, внимательной прядкой,
Дневным мороком тайных чудес,
Небом, брошенным в небо украдкой
По разбуженной воле небес.

В этом небе не сыщешь просвета,
В этом небе огни и огни.
Изначальное хрупкое лето
На пороге своей крутизны.
Не груби бубенцами печали,
Не ищи очарованных тин,
Не разгудишь больными речами
Синеву бесноватых куртин.
Тихо падает свет монотонный.
Льнёт трава к своему палачу.
В алтаре, осквернённом, икона
Близоруко глядит на свечу.

ИГРАЮТ ШЁНБЕРГА

Дожди по декабрю,
Как по тесовой коже —
Я полночь возлюблю!
Возвышенной и строже
Я не был с ней знаком.
Как альфа и омега,
Дожди под языком
Декабрьского неба.

Послушный старый час
Не называй блаженством,
И без того горчат
Бессмысленные жесты.
Наутро — гололёд
И сумерки поэта,
И задом наперёд
Вращается планета.

Кто знает наперёд:
Сучан или Воронеж?
И не страшит кивот,
Пока других хоронишь.
Здесь будет свят любой —
Тоскою небывалой
По плоти голубой
За серым покрывалом...
Назавтра — гололёд
И бархатное нетто,
И задом наперёд
Вращается планета.

Кто помнит наизусть
Разъезженные гаммы!
Высокочитимый бюст
Топорщится углами.

Есть нечет или чёт
Последнего соблазна,
Покуда дождь течёт,
И полночь не напрасна.

Я ночь заговорю
На гулком перелёте, —
Дожди по декабрю
Как плач — на чистой ноте!
Торжественная спесь
Останется на утро,
А мне бы — лишь успеть —
Ещё — одну — зарубку!

И нет вины иной,
Кроме вины рожденья
В пустыне ледяной
Российского брожения;
Дыханье удержи,
И слушай терпеливо,
Как топчутся дожди
Последнего призыва.

ИЕРЕМИЯ

Емеля ты, Иеремя,
Вотще бунтующий умы,
Не трожь святого, пустомеля,
Не клевети своей тюрьмы!

С ярмом провидческим на вые
Паши Господский огород,
Не подымая головы и
Всё понимая наперёд.

К чему ты истишься, Ерёма,
Перефинтит тебя Фома...
Чума на оба наших дома,
Исконь державная чума!

ИЗ MOTHER GOOSE RHYMES

Есть мудрость в знании причин:
Лечи недуг, коль излечим,
Коль — нет, к досаде докторов
Живи, как будто ты здоров.

10.07.2009

ИЗ ВИЛЬСОНА

Потому что всё лучшее,
что никогда не случается,
Что уже сотни лет
обещали благие умы,
Не логично в себе
и собою само исключается,
Нам достались пиры
прославления царства Чумы.

Мы привыкли к Чуме,
даже лошадь родится с подковою,
Не понятно зачем
нас чураются со стороны.
Мудрено им понять
нашу вечную душу, которую
Освещают костры
ненасытной и дикой Чумы.

Всё одно этот мир —
только малая сказка безумия,
Чужаку не узнать,
как прекрасна она изнутри.
Как прекрасны пиры,
как бубонны слова вольнодумия,
Распростёртого в корчах
истомой Чумы визави.

Длится сон, где уже никому
никогда не отчаяться,
Где все сущее сводит с ума
или сходит с ума.
Не кончается пир, не кончается
пир, не кончается,
Потому, что никак
не окончится эта Чума.

ИЗ ПУШКИНА

1.

Пшеничным зёрнышком в говне
Мы прорастаем по весне.
Мы тянем к свету стебельки,
Мы откровенны и легки.

2.

Мы в мир приходим как трава
С наивной верой в зеркала.
А мир спокоен и жесток,
И ценит только чистый сок.

3.

Пусть из согбленных хворостин
Тучёт бесценный хлорофилл,
Ценой прощения не став, –
Знак отрешенья на устах.

4.

Отвесный времени налей,
Чреватый небом и травой.
Там бродит гибельный состав
Настоем неуёмных трав.

ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

В России жить нельзя,
Здесь время каменит,
Здесь прошлое глядит
Из омута наречий,

И явственно манит
Властительный магнит
Безудержных свобод
Всеновгородских вече.

В пророческом бреду
По лезвию скользя,
Кровь друга и врага
Смешаются в Валгалле.

Нельзя в России жить,
В России жить нельзя,
На родине стыда,
В отечестве ордалий.

И кто — каменотес,
Что время огранит,
Пропитанное тьмой,
И суетой, и ложью?

Ничем не знаменит,
Да нечем заменить
Угарный пейзаж
Родного бездорожья.

Бездомные дворы
Здесь служат литию
Под заговор дождя,
Исполненный угрозы,

В России жить нельзя,
Здесь в сомкнутом строю
Как мертвые тела,
Стоят во сне березы.

ИЗ СНА

Я чувствую себя монетой,
Заброшенной на глубину,
Я окружён неверным светом,
Привержен илистому дну,
И чувствую, что я монета,
И я тону, тону, тону,
Ненужный больше никому,
Потерянный когда-то, где-то,
И дно теперь, моя планета,
Где сладко верить в тишину,
Принадлежит мне одному
Как неразменная монета,
И, как и я, идёт ко дну,
Во тьму отверженного света,
Блестящим абрисом — во тьму,
Как беспризорная планета,
Заброшенная в вышину,
Где я тону, тону, тону...

* * *

Имущий жалость, презренья достоин,
Выбор презренья — достойный выбор,
День неподвижен, как пруд спокоен,
В омуте этом и мы могли бы
(Погружены до потери слуха
В вязкую тину, где дочь прогресса —
Жизнь, как проруха Святого Духа,
Погружена до потери веса).
Быть, по наитью, живою глиной,
Нитью, натянутою над бездной,
Чуя спиной из глубин Турина
Взгляд то презрительный, то болезный.

* * *

Иначе нам звучали имена
Апостолов прошедшего столетья,
Как занавес сомкнулась тишина,
И заблудилось все междометье.

Иначе нам звучали голоса —
Шершавой чернотой по бездорожью,
Хранили стрелолистые леса
Всю синеву языческой дрожью,

И охраняла синяя душа
Созвездий ненасытную лампаду,
Но время пробиралось, не спеша,
Но время шло навстречу листопаду.

Гремел вагон на стыках сентября,
И нота забывалась, как в падучей,
С бестактной прямою календаря
Нас охранял талант, вернее — случай.

Был явен голос призрачных могил,
Пока мы суеты не привечали, —
Язык своих кумиров позабыл,
И имена иначе зазвучали.

Спасенья нет у памяти в плену...
Что делать мне в их молчаливом хоре...
Никто не растревожит тишину
И голосов ушедших не оспорит.

* * *

Иногда в лабиринте крыса
Зрит воочию Ангела в белом халате,
Который внимательно сверху за ней наблюдает.

03.06.2010

* * *

Интонация лета угрюмей
В обожжённой траве падежей.
Шелестя чешуёю июня,
Не сдержав своевольных вожжей
В незапаханном поле сиротства,
И рискуя сойти с виража,
Этот дождь непременно прольётся:
Столько слёз не дано удержать.

ИОВ

В. Качалину

Солнце, падающее в зенит...
Боль и мерзость ночных городов...
Беззащитность руки её...
Всё вернётся в Лоно Твоё.

Смерть не сходит с моих полей,
Гнойным ливнем набухла твердь...
Дай мне, Господи, умереть!
Да святится Имя Твое.

Я давно растерял слова
Тех псалмов, где Твоя Основа —
Гнев Господен прими сперва! —
Как смеёшься Ты, Иегова...

Был я верен Тебе, как раб,
Ныне я Тебе верен боле,
Даже, если именем Мрак
Назову средь кромешной боли —

Так отныне пребудет впредь!
Беззащитность руки её —
Боль и нежность моей земли...
Дай мне, Господи, умереть!

Отзовись, Господь, отзовись!
Ты, призревший мя, знаешь ли
Как стекает из язвы слизь?
Умертви меня, умертви!

Будь хоть раз до конца жесток...
Светел, Господи, Твой чертог...
Плач и голос, и твердь, и плоть...
Как я нужен Тебе, Господь!

... A GIORNO

исповедь — вселенная,
имеющая начало здесь и нигде
и не имеющая конца;
стремительно разворачивающаяся вселенная,
с небом в любой
произвольно выбранной точке;
чёрная вселенная моей памяти,
освещённая и согреваемая
всего лишь одним
солнцем;
не отпускающая меня
в пространство боли рифмованных строк;
где КАЖДЫЙ —
осколок речи,
и каждый нем
в пустоте,
и не вмещает в себя вчерашнего времени года.

1987, 2012 гг.

ИСПОВЕДЬ

Был я доверчивым и ушлым,
Не обольщался соловьём,
Простого голоса кукушку
В пружинном домике своём
Я возлюбил душой лукавой,
Затем что, видно неспроста,
Мне обещали смерть со славой
Её пружинные уста.

Я думал, — всё мне было просто
В сетях лукавого врага,
Душа под тяжестью нароста
Была безмолвна и строга,
В ней проступало что-то птичье,
Косило глазом слюдяным,
И наступало безразличье
Ко всем пророчествам стенным...

Я думал — вывезет кривая,
То упирался — напролом,
Душа, безмолвно нарывая,
Болела где-то под ребром.
И прорвало!! Так бредят небом
Слепые очи звонаря,
Так обретается ночлегом
В степи голодная земля.

Двухтактным голосам не внемлю,
Что, календарная беда!
Целую пристальную землю,
Куда я лягу без следа,
Как будто голубые ставни
С е й ч а с сомкнутся надо мной,
И я — не инок, не наставник —

Покорно лягу в перегной,
И, очарованные синью,
Не этой, но совсем иной,
Глаза, покорные отныне,
Застынут коркой слюдяной,
Когда меня потащут дроги,
Во искупление вины,
В тот рим, где сходятся дороги,
Где все великие — равны.

* * *

Истончённые пальцы дионисовой Музы,
Этот шёпот соблазна, и восторга, и ночи,
Облетевшее пламя хлорофилльного груза,
Ежедневная тайна несбыванья пророчеств.

Далеко ли сбежишь по листе омертвелой, —
Каждый час отдаётся ознобом калёным,
И уже перестали твои менестрели,
И уже тихий свет пролился по иконам!

Время лечит, и ищет, и платит, и плачет,
И уже невозможно в долгах расквитаться,
И гремит листопадная медная сдача,
И нельзя оглянуться, забыться, остаться.

* * *

Исус Христос сидел в саду,
В близи Него кружили пчёлы,
Был остановлен за узду
Бег бытия в тот день, который
Прошествием двух тысяч лет
Оставит след, как то ни странно,
В календарях, в которых нет
Одиннадцатого нисана.

А день, и в правду, был хорош.
От гефсиманского подворья
Тянулся дым, как лень воловья,
Не думающая про нож.
День, словно замер, на краю
Уже разверзнутого лета,
И – на краю, у бездны света
Был Тот, Кто знал судьбу Свою.

И, обращённый Сам к Себе,
Он тщетно пробовал молиться,
День, что уже не повторится,
И Бог – по пейсы – в бороде.

05.04.2007

ERGO

Итак,
В исходе всех стремлений,
Где крутизна есть крутизна,
Восхода мимолётный Гений
Без вдохновения и сна, —
Дух опрометчивых пророчеств,
Всех разместив в своём раю,
Перед уходом обесточит
Больную азбуку мою.

Я долго буду недоволен,
И — может — плакать втихаря,
Так оскорбительно уволен,
Привычкою в мечтах паря,
Ища подгнившую опору,
Срывая горло в унисон,
И я пойму — куда не скоро! —
Что спор напрасен и смешон.

Что остаётся бедолаге,
Когда слова давно пусты.
С фрейдистским комплексом бумаги
Паранояльной высоты? —
Идти по круговому следу,
Приберегая лишь одно —
Кусок обманчивого неба,
Легко вмещаемый в окно.

1990 г.

* * *

Ищу в созвучьях тишину,
Всё понемногу забывая,
Одну опасную струну
Ещё никак не задевая.

Что делать — музыка больна
Хоралом, мессой или фугой,
Её невольная вина —
Вина обманчивого друга,

Не всё же ей хрипеть в орган,
И жизни суетной дичиться,
С Ромулом Рему выкорм дан
Прекрасной музыкой-волчицей!

Ты — лишь тогда, когда и — я,
Но даже это много чаще,
Чем эта музыка зверья,
Поющая из звёздной чаши,

Чем эта музыка светил,
В созвучьях тишина в избытке,
Но белые сочатся нитки,
И небо падает из дыр.

Метель. Как кокон, тишина.
Приветствую тебя, начало!
Моя опасная струна
Ещё никак не прозвучала.

1984 г.

К МОРЮ

I.

Память не будет к ушедшим строга,
Это удел повседневности желчной —
Горечь копить, выходить на врага,
Память убога, богата и млечна.
Небо горбато, земля высока,
Хватит на всех и дождей и скрижалей.
Чтоб подреберье и руки изжалить,
В белую мякоть вращает строка.

Впрочем, да будет греховен удел
Явен тому, кто греха не достоин,
Если нечаянно струн не задел
Птичьи права отстоявший Бетховен.
Всё, что не в силах постичь мы с тобой,
Память простит, обезвредит и сгладит.
Море спокойно, как совесть, как память,
Море помянет нас тихой водой.

II.

Так припади солёными губами
К моей руке, стихией наречённой!
Мы не живём, мы мыслим городами,
Промокшей липой, улицей мощённой.

Напрасно! И в покое, и в фаворе,
Бескрайними, бессонными ночами
Мы обрываем фразу в разговоре
И — моря голос слышим за плечами...

Напрасно. Ни пророки, ни витии,
Мы отдаём себя солённым комом,
Слезою, каплей — медленной стихии,
Уже не внемля окрикам знакомым.

* * *

Каждой голове полагается лобное место.
Моей — тоже.
Не самое лобное,
Не самое главное,
Не то, о котором вы знаете;
Все — знают:

Быть может — эта стена,
Непрошибаемая лбом;
Быть может — этот ржавый рельс,
С тоской вспоминающий
Мягкую
Шею Карениной;
Быть может — эта слякоть,
Прикрывшая гололёд,

По которому я
Иду, не оглядываясь;
И уйду —
И есть то самое...
Я всегда это знал.

1988 г.

* * *

Кажется, только чудом
Здесь выживают птицы, —
Быть бы душе сосудом —
Трещину дать, разбиться, —

Если отравлен снами,
Помни, что ты услышан!
Чёрное небо с нами
И ещё что-то — свыше...

Не поминальной тебе
Злая гортань послушна:
Дело не столько в хлебе,
Попросту — сердцу душно;

Сумрак свинцовой ночи
На мостовых шершавых.
Ты понимал неточно,
То, что тебе мешало.

Главное — не доделать,
Не пережечь души, —
Лист остаётся белым,
Что там ни напиши!

1984 г.

КАИН

Как ветер в поле обнищав,
Бессильна речь вернуть вещам
Их первобытность в жесте рук:
Чем это облако не это?
Не слово, но, скорее, звук
Пусть обозначит суть предмета.

Первомычанье, первотьма,
Но тьма в предчувствии рассвета.
И, если ты сойдешь с ума,
То даже звук заменишь — светом.

И даже свет заменит дрожь
В преддверьи нового творенья, —
«Да будет свет!» — и эта ложь
Тебя толкнет на преступленье.

* * *

Как безбожно мы обрусели,
Как беспомощно раздвоились,
Что душа в древовидном теле
В постоянном живёт испуге...

Мы не знали другой отчизны
Кроме неба над головою,
Кроме счастья расцвечь травую,
Оплетя гробовые плиты.

Но недолго побывший с нами
Нас учил не спеша и просто:
Лишь идущие вместе с нами —
Наши братья и наши сёстры.

Патриоты земного шара,
Мы устали, а путь всё круче,
Всё, что нам по пути мешало,
Мы оставили по дороге.

Отворяйте литые двери,
Растерявшие мир и память,
Мы стоим у ворот веками,
Дети гнева, любимцы боли.

* * *

Как в фантастическом романе
Она весь день стирает пыль,
Она стирает пыль в тумане,
Уйти желая в монастырь.

Нашто ей прочие соблазны,
И каждодневная хатынь,
И принц прекрасный и заразный, —
Повсюду пыль, куда ни кинь!

Библиотечными томами
Пыль подымается стоймя,
Рассудок немощный туманя,
Сводя уборщицу с ума...

Итог превыше всех желаний, —
Умойся и домой плыви,
Одна в готическом тумане —
Труп, захлебнувшийся в пыли.

* * *

Как всегда, безразлично сурова,
Ночь считает своих наперёд,
Только сети не держат улова
В рваном небе тепличных длиннот.

Мы устали в стенах Камелота,
Круглый стол удивительно пуст,
Здесь привычная наша работа
Никогда не сгорающих уст.

На кровавое небо Турина
Собирается в тучи гроза,
Но история отчего дыма
Никогда не затмит образа.

Мы глядим в зеркала зазеркалий
Не имеющим плоти пятном,
Где теснятся шеренги Граалей
Навсегда повторяемым сном.

Ночь легко вспоминает о чуде
И словами рождает слова,
И на блюде, по странной причуде.
Не твоя ли лежит голова?

* * *

Как опрометчив этот день, —
Он все выбалтывает тайны,
Одну бессовестней другой,
Одну другой невероятней.

Дождь лёгким пластырем окна
Пытается лечить округу,
И жизнь почти что не нужна,
Впервые чуждая испугу,

И небо голубым звонком
Обозначает перемену.
Мы после взятое вернём,
И пострадаем для примера, —

Там будет вечер поздних дел,
И ночь Судилица Святого,
Но обмануться наш удел,
И наша тайна и свобода.

* * *

Как тебя не страшит глубокое небо осени,
Вернувшаяся синева Успенья?
Неужели тебе нипочём,
Обманутому облаками,
Жёсткая одномерность текущего дня?

Там, за порогом пустоты,
Измазанной акваарином,
Страх пробуждения
Сильнее молитв,
Сильнее даже тебя.

* * *

Какой паук сплёл эту паутину,
Кто сотворитель таинства дождя,
Когда на облетевшую куртину
Без душных слёз смотреть уже нельзя?

Когда по без-дорожью, без-образью,
Без мук, без таин, без монет, без слов,
В крещении омытый вышней грязью,
Сюда пришёл последний из волхвов, —

Он опоздал, его встречают тени
Закатного больного естества.
Он — сон неумирающих растений,
Он блудный сын, не ищущий родства.

Он никогда не будет столь случаен,
Опутан паутиною дождя,
Без слёз, без жизни, без монет, без таин...
Без мук, без оправданья, без себя.

* * *

Глаза их полны заката.

И. Бродский

Капли раннего дождя —
Свежесть ран, пока незримых...
Вдаль уходят пилигримы,
Ничего уже не ждя.

Прикоснись ко мне рукой,
Успокой мою тревогу,
Сердце злое успокой,
Сердце воет на дорогу,

Как собака, чует след:
Здесь они прошли когда-то —
Пилигримы старых лет,
Ступни в струпьях от заката.

И земля хранит, тверда,
Как потеряное имя
Запах крови пилигрима —
Капли раннего дождя.

КАПРИЧЧИО

Полночь корявая,
Тьма поперечная,
Сеет кровавое,
Доброе, вечное,
Ветхий дырявит мешок,

Сны неопита
Без имени-отчества
Сеет сквозь сито —
Чтоб тонко, чтоб дочиста! —
И, на правах твоего одиночества,
Сонный струит порошок.

Не превозмочь
Эту муку наследную,
Полную полночь
Как память последнюю
В ступе небес не столочь!

Напрочь опричь
Чернокнижного зорчества —
Млечная сочность
Песочного зодчества.

Что мне прикажите,
Ваше Высочество
Ветхозаветная Ночь!

01.07.2011

* * *

Картавят чайки, и выносит,
Как камень вод на берег зла,
Судьбу твою, где правит осень,
Где ночь наивна и светла,
Но — тайным привкусом печали
Чьим солонь твои моря? —
Ты остываешь на причале,
Как опоздавшая заря.
И день на звонкой наковальне
Тревожит сумрак золотой
Твоих неведомых названий
С твоей недетской правотой.

Кто я, по праву славословья,
Чтоб обнажить твои черты?
Поет весна, но своевольно
Ты осенью предстала, ты
Провидишь желтые капли
В фонтанах взвившейся листвы
И увядание пернатой
Твоей нездешней красоты,
Где, если жемчуг не растает,
Поддельны жемчуг и вино,
Что тайным знанием печали
Испить мне было суждено.

* * *

Кислый дух обжитого подворья.
Беспокойная связка ключей.
Что ты ладишь всю ночь изголовье,
Что ты плачешь о смерти, Кашей?

Ночь строга, как страница отточий,
Как соблазн кругового письма,
И бессмертное сердце щекочет
Та игла, что предельно честна.

Вот твоё подневольное царство,
Как прогретая за ночь нора,
Спёртый дух обжитого пространства,
Да совиный полёт топора,

Груз неначатых преступлений,
Разорительных грабежей,
От берёзовых поколений
До осиновых рубежей.

* * *

Когда б змея не проползла
Сквозь прутья золочёной клетки,
Познание Добра и Зла
Спокойно бы сгнило на ветке.

Кто в нас хотел переболеть?
Чья блажь была тому причиной?
Чтоб яблоку не перезреть,
В союзе женщина с мужчиной.

И как признаться нелегко,
Что нужен был и гнев и вера,
Чтоб через несколько веков
Марией назвалась бы Ева.

* * *

Когда бы лгать Ты перестал
Про тучи, полные громами,
И гнать к началу всех начал
Толпу, пошедшую за нами!

Скудельно наше ремесло,
И страшен суд Твоей опеки,
Коварны буква и число,
Не совпадая в человеке.

Ища спасение души,
Мы слишком далеко проникли,
И вот — точи карандаши,
Строчи бездарные молитвы...

Ты нас бессмертью завещал
И каждый свой обет исполнил,
Но пред началом всех начал
Мы молимся кресту из молний.

* * *

Когда возникают финальные сроки
Того, что копилось под спудом зеркал,
Рождественский мир помнит только упрёки
Того, кто молился и вечность алкал.

Тяжёлою памятью вспоротых пашен
Взрыхлённого неба зеркальных полей
Мир провинциален безумен и страшен
Богами забытой вселенной своей.

В октаве большой корневого режима
Дыханье органа измучает слух,
Как почерка ясность и резкость нажима
В машине считающей только до двух.

Рождённые в день кругового сиротства,
Чья память как небо, чья боль — как трава,
На звёздных окраинах будут бороться,
Где муки органа имеют права.

Зачем мне тела обнажённые пашен,
Зачем эта чуткость вселенской строки,
Когда и в финале мир также вчерашен
И жуток в пророчествах детской руки!

* * *

Когда время начинает плодоносить
Жалкой осенью своего первородства,
И каждый плод его — запрещен...
Мы знаем, но не хотим знать,
Что боль и оскомины
Останутся навечно,

Что нам уже не спасти
Чернильного вздора наших книг,
И не спастись самим
От надвигающейся на нас
Слепой
Ночи.

1987 г.

* * *

Когда время очерчивает круг,
Магнетический круг
Повседневных несчастий,
Очевидец
Дождя и снега,
Солнца и дождя,
Неба и солнца
Раскаляет
Полночь
Добела
Фонарного света,
Разбивает
Фонетические конструкции
И синтаксический
Порядок
Речи, —
Он один,
Он всегда один
В чёрном огне
Белого круга
Памяти.

1988 г.

* * *

*Когда зимние сны подневольны
И пути перекрыты весне...*

Т. Крещенская

Когда зимние сны подневольны,
И так мягок совиный полёт,
В нас свершаются тайные войны,
Нас неслышное что-то зовёт,

Откликаясь на голос доверья,
Мы уходим в глухие снега,
Оставляя пространство за дверью,
Белизной отравляя глаза.

Что мы помним — из снов — наудачу,
Явь дневную доверив врагам,
Где, в потёмках, бессмертие прячут? —
Мы идём к обречённым снегам.

Есть в дожде продолжение снега,
Но оставь первородство ему,
Ибо в альфе бесстрашна омега,
Как безумье, призревшее тьму.

* * *

Когда мы были большими,
Деревья были с паршою,
И небо было большое,
И жизнь казалась паршива.

Мы жили жизнью паршивой,
Одни, в паршивых обоях,
Промеж Коровой и Шивой,
Промеж Христа с Иеговой.

Чертили тёмные руки
Давно привычные жесты,
И мы смотрели без скуки
На детство наше из жести.

Сквозь земляничный румянец
Мы всё ж боялись огласки,
И гомерично смеялись
В лицо посмертные маски.

* * *

Когда над позднею страную
Ущербен колизей луны,
Здесь тополь правит сединою
Средь сумрака и тишины.
Кипят эоловые струны
В пустой промоине дверей,
И сон нейдёт, и вечно юный
Гуляет май меж фонарей.

Мы – очевидная нелепость
В слепой гармонии конца.
Гарроту стягивая света
Над тихим омутом лица,
Обиды детские по краю
Оберегают наш уют.
Нам волны Генделя играют,
Нам рыбы Вагнера поют.

* * *

Когда небо грозóвою тучей
Нависает над ветхим жильём,
Уповаешь на случай? — На случай
Уповай. Ведь, по сути, живём
Все мы этой ребяческой верой:
Кто зажжёт свет в окне, тот потух!
Здесь озон, перемешанный с серой,
Прочищает нам горло и слух.

Словно выбор и вправду возможен,
Проклиная нервозность зари,
Чуткий сон бытия растревожив,
Мы скрываем себя от любви.
И, стараясь не слышать призыва
Боли жертвенной, боли святой,
Мы по-прежнему здоровы и живы,
Но — отторгнуты — страшной чертой.

* * *

Когда небо
Останавливает время,
И луна
Зависает над городом,
Выдавливая червяков жёлтого света,
Когда фонари
Заглядывают в глаза прохожих,
И немой танец звёзд
Так понятен
И страшен
В своей
        пророческой
                        неисполнимости, —
И всё это — ночь!
И кто-то, пьяный,
Толкует о погасшем рассвете,
И кто-то другой —
С ним заодно,
И воздух пахнет снегом,
Который уже растаял,
И ветер,
Споткнувшись о перила,
Оказывается
Большой
Белой
Собакой,
И в стёкла
        бьётся
                дождь,
Которого завтра не будет, —
И всё это — ночь
Твоего родного города,
И эта ночь пьяна...
Потому что завтра
Проснётся твой смех —
В каждом осколке —
Луч отражения.

* * *

Л. Эштейну

Когда стихи немзыкальны,
Они почти прямая речь,
Отчаянье, приблизясь к тайне,
Не сможет тайну уберечь,

Но, в богохульстве самом пылком,
От Божьей славы вдалеке
Свеча стекает и обмылком
Спекает пальцы на руке.

Когда слепец обрящет зреньё,
Обрящет слух глухонемой,
И зазвучит стихотвореньё
Своей нагруженной струной,

Тогда на данное отчасти,
На суету, на благодать,
На все законы и причастья
Нам не удастся уповать.

При нашей участи убогой
Нам не дано уйти от Глаз,
Виня задумчивую строгость,
Опять прощающую нас.

* * *

Когда устанешь пререкаться,
Увидишь жизнь дырой в заборе,
Там пламя белое акации
Со снегом и в родстве и ссоре.

Туман как мим, но пантомима,
Погружена в тона заката,
Полупрозрачна и наивна,
Меланхолична и стаккато,

Великодушна в лучшем чувстве,
Прекраснодушна в смысле худшем,
И правда высшая искусства
Грозит реальности удушьем.

А за окном, к зрачку притёртый,
Себе и никому не нужен,
Декабрь невыносимо тёплый
Устало топчется по лужам.

25.12.2010

* * *

Когда январь погодой лютой
Породу выявит и суть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Чем нов тот год, что нынче вынут
По волшебству из рукава?
Жмёт неразношенный ботинок,
Болят с похмелья голова,

Уходят поезда куда-то,
И, может, там, в конце пути
Сын блудный ожидает брата
С зажатым яблоком в горсти.

Ведь никому не ясно все
Какая выпадет сирень,
И потому январь тоскует...
Вчерашний день, грядущий день —

Как мало между ними сходства,
И как их сходство велико!
Январь по праву первородства
Разбрызгивает молоко.

* * *

Колеблемая пламенем свечи,
Ночь бьётся о железные причалы,
О поручни, о лестницы печали,
О чёрное незнание строки,
И монумент, в дожде – словно плаще,
Глядит на запустенье городское,
И тишина блаженного настоя
Всё длит своё великое туше.

1991 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вместо названья —
Время изданья,
— Тин-дили, тим-били, тин, дили-бом! —
Тихая повесть,
Мягкая сказка,
Ветреный поезд
Синей окраски,
Вместо названья — сумрачный сон.

Как ни печальна,
Как ни прекрасна
Тихая повесть,
Мягкая сказка, —
(Тин-дили, тим-били, тин-дили, бом!)
Сон осторожен,
Сон безучастен —
Снегом творожный,
Или, отчасти,
Брошенный дом, обречённый на слом.

Сон отворяет
Гулкие двери,
Снег отлетает
С сумрачной тверди,
Не к чему знать, что случится потом.
Спят на планете
Взрослые дети.
Тин-дили, тим-били, тин-дили-бом.

1978—1979 гг.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Маленький серый лондон.
Капает, капает с крыш.
Что же ты крутишь локон
И по ночам не спишь.

Где-то гремят морозы,
Кончились папиросы,
Глухо пробило пять.
Дремлет орган забора,
Но Иоганн в запое,
Маленьким надо спать,

Спать, свою боль баюкать,
Ждать не тепла, но выюги,
Не находить — терять.
Надо считать баранов,
Спрятать в подушку раны,
Слышишь, пробило пять.

Все мы одной породы,
Пасынки непогоды,
Поздно теперь менять.
Дует со всех отдушин,
Но почему так душно?
Маленьким надо спать.

Белая птица чайка,
Белая, словно чайник —
Это уже во сне.
Скоро настанет утро
Всей суетой минутной.
Будет зима и снег.

* * *

Кошки любят рыбу, но не любят воду,
Потому у кошки жизнь не задалась,
Лучше быть как мошки, и летать повсюду,
Только мошку может тоже съесть карась.

Мудрая природа существует вечно,
Мудрая природа тварей создаёт,
Каждое творенье, в сущности, увечно,
То есть, совершенно задом наперёд.

Кошка любит рыбу, рыба любит мошку,
Мошка любит кошку, любит всех Иисус,
Потому смиренно погрустим немножко,
Не спеша привыкнем, и войдём во вкус.

Всё идёт отлично: мышка кошку встретит,
Кошка встретит мышку, счастливы они.
Зло всегда первично, а любовь — на третье,
Соблюдай приличья, скуку прочь гони!

09.11.2009

* * *

Кошмара ночного
Нелепая суть:
Огарка свечного
Уже не задуть —
Рука пламенеет
Как знак купины,
И странно немеют
Кричащие сны...
Встревоженность эха
И чуткость греха...
Смеётся прореха
Вослед пятака.

* * *

Край Света за краем балкона.
Голодная ропщет трава.
Когда безразличьем исконным
И холодом пахнут слова,
В язык нетяжёлых отметин —
Вечернего неба расплав —
Мы тихо ложимся, и этим
Уж держим себя за рукав.
Наверно у дальней заставы,
Где холодом пахнет покой,
Девятою нотой октавы
Взовьёмся над нотной строкой.

* * *

Кристаллики льда, а не капельки пота.
Деревья подвластны природе корней,
Их снежные нимбы — чужая работа,
Но — спи, моя память! — деревьям видней.

Они умирают в ознобном угаре,
Пьянее от звуков электропилы,
Их непротивление страшнее удара,
Мы так умирать никогда не могли.

Им в райских чащобах отыщется место
Под нимбом зелёным, а не золотым,
А мы сотворим из древесного теста
И флейту,
И посох,
И плаху,
И дым.

* * *

Кровавая каша созданья.
Рассудок бездушных тенёт.
Вполне откровенное знание.
Но сердце не верит — и лжёт
Настойчиво, неосторожно,
Упорствуя в явном вранье,
Что жизнь лишь постольку возможна,
Поскольку есть боль на земле,
Поскольку за верхним пределом
Нас сторожит благодать.
Но разум, поладивший с телом,
Не хочет ни верить, ни ждать.
Он видит одни лишь тенёта,
В паденьи он видит полёт...
Но что-то тревожит, но что-то
Покоя ему не даёт:
Наверное — необходимость
Высоким покоем дышать,
Наверное — необоримость
Того, что зовётся душа.

1986 г.

* * *

Кровью прозрачной ненастья
Ветер кропит округу,
Тревожна память травы,
Голубой сосуд неба густеет,
Чёрное тело растенья в бреду,
Башня бетонной кости шатнулась,
Неосторожное пламя,
Нарастанье тревоги,
Пульс напряжённого воздуха,
Отчётливое сердцебиенье минут,
И,
Разбрызгивая духоту,
Ливень захлопывается как дверь электрички.

КРЫСОЛОВ

(поэма)

Крысиных пастбищ таинство и братство,
И вечный нерушимый их союз.
В преддверии нелегких ситуаций
Крысиный Аполлон сзывает Муз.
Еще не все подсчитаны потери
Междоусобной алчущей войны,
Но так приятно в будущее верить
Тем, кто на прошлое обречены.
Еще саднит в пустом желудке память,
Но те, кто выжил после мышьяка,
Творят искусство голыми руками
И образуют плоть материка.
Ты мечешься в смятении и страхе,
Хотя ты и Лирический герой,
Но и тебе несносен серый запах
Как ипостась эпохи моровой.
Нет прошлого, чтоб пересечь потери,
А будущее — тайная строка,
И лишь надежно запертые двери
Пока еще спасают, но — пока!
Так голый хвост, танцующий в пространстве
Пружиною неслышимых часов,
Заляпан грязью десяти инстанций
Кладбищенских вселенских голосов.
Одна струна невластна острым рожам, —
Осеннего тоскливого дождя, —
Святою грязью — под ноги проходим —
К прямому сумасшествию ведя,
И грезится: улыбкой благосклонной
В слепой соблазн мы были введены,
Когда пред чудотворною иконой
Просили упасенья от чумы.

По наущенью ядерной весны
Гуляет кровь по перекрытым венам;

Но мы живем, не чувствуя вины,
Бесцветною облаткою Вселенной,
Послушные невнятным голосам,
Где писк крысиный все слышней и строже,
Сверяем жизнь по солнечным часам
И выверяем запахи прохожих.
Друзья, пока прекрасен наш союз,
Пока прекрасно тайное сиротство
Всех серых и хвостатых наших Муз,
С кем в темноте нам предстоит бороться, –
Неразличимость – главная черта,
Когда бы мускусный не выдал запах;
Вселенная послушна и чиста
В зубах крысиных и крысиных лапах.
Вот, обнажая твердь материка,
Встаёт гомункул из норы крысиной,
Течёт мочи крысиная река,
Предвосхищая будни Хиросимы.
Ты плачешь, мой Лирический герой,
Да, здесь смеяться как-то несподручно:
Страшней, чем гонорар и геморрой,
Крысиное содружество живущих.
На счастье разбивается бокал,
Осколки тычут по крысиным норам;
Но, как металл внедряется в металл,
Я ухожу от прошлого, в котором
Мной управлял крысиный полубог,
Не числюсь больше в списках самозванцев,
Но кто мое имущество сберег,
Кто охранял в бумаге постоянство?
Одною мыслью рея навесу
И путаясь в пролетах паутины,
Я крысу запоздавшую несу
В разбуженные будни Хиросимы.
И Муза, неподвластна бытию,
Скребется в дверь отчаянно и горько,

Впустить ее, и всё свести к нулю,
Крысиной ласке подставляя горло.

Вибрируя на лезвии, наш разум
И сам подобен острию ножа,
Но женщине положено рожать
Отныне только серую заразу,
Подвластностью эпохе моровой
И тающему небу Хиросимы,
Таить в пробежках коготков крысиных
Наивную надежду — стать травой.
Одно лишь средство — избежать соблазна:
Крысиным духом зачинает плоть, —
Живое мясо напрочь проколоть,
И душу отпустить крестообразно.
Но пасюкам вселенная пуста,
Их души смертны и таят досаду:
Великое, но временное стадо,
А в будущем — сожжённая листва.
Для них нервозно время и потери,
Шаманят длиннохвостые стада,
И пеплом засыпает города —
Листвы и пепла новые помпеи,
Но в пепле пролагаются следы
Для тех, кому забвение не внове,
И запах человеческой тёплой крови
Извечен со времен Златой Орды.

Пусть, к ужасу беспечных горожан,
Вибрируя на лезвии, наш разум
И сам подобен острию ножа,
И слепо подчиняется приказу:
Всё к лучшему! Обглоданный скелет
Не возразит и не оспорит речи.
И разум появляется на свет
Из сокрушённой плоти человеческой.

За Голосом не слышны голоса,
Гомункул шарит по крысиным норам
В слепой надежде — отыскать отца,
И задушить, и съесть его с позором;
И множится завистливый приплод,
Сменяются на троне святотатцы
Настанет день, Гомункул поведет
Навстречу славе, равенству и братству.
Пока ещё не вылезли из нор,
Пока ещё рассованы по дырам
Те, для кого эпоха эта — вздор,
Те, кто готов вцепиться в горло миру.
Холодный ужас подменяет плоть,
Но разум спит в молчании глубоком,
Искусства застоявшаяся кровь
Всё сокрушает гибельным потоком.
Но нас спасёт крысиная нора:
За плотной дверью отсидимся дома;
Но сердцу застаревшему пора
Уйти в пределы Своего Закона,
Туда, где невесомы города,
Где Музы бестелесны и воздушны,
Где не видать крысиного следа
Великому содружеству живущих,
Уходят в резервацию хвосты —
До времени, а кажется — навечно,
И птицы, самовольны и чисты,
И заселяют гнёзда человечьи;
Настало время бешеной траве,
Но небо цвет и запах не меняет,
И крысолов шагает по золе,
Но крыса в нём гомункула признает.

Как палец — в темноту перчатки,
Душа уходит в плоть свою.
В иконоборческом раю

С неё снимают отпечатки.
Её крестить в купели слёз
Декабрьской лете́йской стужи.
Но горло стягивает туже
Удавкою крысиный хвост.
Ты мыслью тешишься земною,
Но земнородное — прошло:
Иероглиф, буква и число
Тебя обходят стороною.
Ещё горит твоя Звезда,
Но ты уж мечешься в потёмках:
Одна зола в твоей котомке
И память — холоднее льда:
По жёлтой жиже резерваций
Плывёт Лирический герой,
И за разбитой головой
Душа пытается угнаться,
Смердит крысиный водоём
И празднует твои потери, —
И с петель сорванные двери,
И за ночь опустевший дом.
Известно им не хуже прочих
Всё то, что будет впереди —
Больное варево в груди
И несколько тетрадных строчек.

Где нет соблазна, воля не поможет,
Прости-прощай, Лирический герой,
Пусть время неподкупное умножит
Тобою тьму эпохи моровой.
Где грязью снег становится вчерашний
И вновь летит, не чувствуя беды,
Где человек белый и бумажный
Оставит коготковые следы,
Где всё давно расписано по смете:
Вот выбирает дудка палача,

Вот он восходит на трибуну смерти,
Но ветер не дает ему начать,
Вот борода растрёпанная бьётся,
И он, рукою придерживав парик,
Смеётся, обнажая клык уродства,
Переходя на писк, на рёв, на хрип,
Ему не нужно дудок и мистерий, –
Крысиный Аполлон свистит во тьму,
Да, он коварней и хитрее зверя,
И крысы подчиняются ему.
Уже давно рассчитаны потери,
Но крысы предводителем горды,
О, как приятно в будущее верить
У самой кромки ледяной воды.
Остановите страшную минуту!
Остановите руку палача, –
Враги комфорта, бездари уюта:
Мы все идем на свист из-за плеча.

21–24/XI – 1988 г.

КРЫСОЛОВ

Мы забыли голос друг друга
Этой ночью со снегом ранним.
И чревата земля недугом,
И горбата земля сознанием.
Снег идет, как усталый путник,
Снег идет, снегу нет спасенья,
В предсказаниях неотступных
Не предсказано воскресенья.
Кто там ходит, в снега укрывшись,
Выкликаая больную душу,
Не буди меня и, забывшись
Дай мне музыку эту слушать.
Флейта резкая не обманет
Слух воспитанный по октавам.
Кто там окна мои туманит
Солью пристального состава?
И не этой ли страшной ночью,
Тенью призрачной и далекой,
Шло двенадцать чернорабочих
Из ночного кошмара Блока.
Фонарем не осветишь неба,
Табаком не согреешь душу,
Дай забыться, сквозь сон и небыль
Дай мне музыку эту слушать.

* * *

*А высоко в синем небе догорали Божьи свечи
И печальный жёлтый Ангел тихо таял без следа.*

Вертинский А. «Жёлтый Ангел»

Кто бы помнил все наши обеты, все данные звёздам,
Но постыдная кличка: поэты — угрозою чести,
Словно рыбы о лёд,
Обдираются губы о воздух,
И вращается купол, тревогою дальних созвездий.

Мы любили тебя, восковое подобие чуда,
Наши помыслы плавилась вместе с тобою, бездарно и просто,
И в петле своей совести дёргал по-детски ногами Иуда,
И апостолы шли по дорогам сиротства...

Здесь расколота чаша, здесь втоптана в грязь позолота,
Здесь земля напиталась соблазном, цикутой, похмельем —
Наша светлая нива, и чёрная наша работа,
Впрочем, что там! ведь мы без неё дня прожить не посмеем.

Чьи там трубы поют погребально-заздравные марши?
Мы не веруем в сказки о таинствах ада и рая,
Просто, время — живое, и дышит в лицо неумершим,
В нас замёрзшее зренье дыханьем своим проплавления.

12.01.1983

* * *

Кто вновь возжигает потухшие свечи? —
Сегодня — не вечер, и завтра не вечер!

Безумную полночь надвинув на уши,
Спасённая память груз неба обрушит.

И, сквозь крутизну колокольного звона,
В ознобе окна всё наркозно, озонно.

Куранты торжественны в чёрном ознобе,
И движется время навстречу погоде.

Ни в чём не соврать. И нигде не согреться.
Бравурное скерцо и мёртвое сердце.

* * *

Кто не спит по ночам,
Кто там странно бормочет?
Непонятым речам
Ледяных многоточий
Не предложишь цвести
В полумраке квартиры —
Этот горный эфир,
Эти сумерки мира,
Этот странный аршин,
Эти рваные нити,
Этот воздух вершин,
Эта душность соитий,
Этот страх темноты
И простое начало
Не заставишь цвести, —
Это полночь настала!

И куранты — внахлёт —
Нет с курантами сладу,
Небо в сумраке звёзд
Освящает лампаду,
А не спящий в ночи
Что-то шепчет и чертит,
Словно в небо кричит
О ничтожности смерти.

* * *

Кто ты, откройся, не таясь!
Согласно музыке и ГОСТу,
Какая вера занялась
Вчера на пасмурном погосте,
Когда багровая листва
Вдруг на ветвях не удержалась,
Пустые путая слова,
Какая вера возрождалась,
Облезлым каменным крестом,
И жаркой ягодой рябины;
Какой Господь за тем кустом
Сидел, кошачью выгнув спину,
Господь бездомных воробьев,
Господь больной листвы осенней,
Господь, покинувший жилье,
Господь, пришедший во спасенье;
И вера, выпростав крыла,
Глумясь над кладбищем понурым,
Как росчерк на душу легла,
Как нотный знак на партитуру, —
Храни отметину, душа,
Не выпускай волшебной нити,
Бог на конце карандаша...

Но я забылся, извините.

1984 г.

* * *

Кто-нибудь да напишет стишок,
Тонкий, шальной, ничейный,
Что бы сквозняк гулял про меж строк
Зыбких в тенях вечерних,

Так, словно был он здесь и всегда,
Слово его основа.
И, написав, уйдёт без следа.
И не вернётся снова.

10.05.2009

* * *

Кто-то забился в ночную тюрьму,
Кто-то забылся и порет херню:
Слово ебливое, тёмная Русь,
Вечная, лживая русская грусть.

Слово забыто, как древняя рать,
Слово забито в глухую тетрадь,
Время сварливо, да временщик прав:
Спутана грива кочующих трав.

В небе крылатом плывут жернова,
Судят пилатом срамные слова;
Участью тлена, с псалмом на уме,
Стой по колено в своём же говне.

Нешто навеки сей тягостный плен?
«Подымите мне веки!
Опустите мне член!»

* * *

Куда стремимся мы, уж тем себя губя,
Что живы наперед своим насущным хлебом?

Где мрачный угол твой, где, вечность пригубя,
Все зная наперед, в торги вступаешь с небом?

И если вправду есть бессмертие души,
Не на потребу ль снам струится кровь немая?

Исписаны дотла, все врут карандаши,
За тысячью ночей последнюю не зная...

* * *

Куда торопишь ты поэта,
Ужель тебе его не жаль?
Кто из детей приبلудных света
Бессмертья мрачного бежал?

По воле поздних поколений
Прощённый веком старожил
Пустыню, полную камней,
На сердце злое возложил.

Не поминай святого всуе,
Ведь это мёртвая душа
В дожде возвышенном танцует
И снова гибнет не спеша!

* * *

как много слов,
чтобы сказать: «Мы все умрём,
и слава Богу!»

ИСПЫТАНИЕ ВОЗДУХОМ

Ласковый мотив
Пред колючим небом,
Сумраком квартир,
Падающим снегом,
Инеем ветвей
Окрылённой жести,
Памятью моей,
Холодом предместий —

Тайная вина
И ночная рана.
Падает Нева
Из худого крана.
Польхает мгла
Моего юродства.
Я не столько нагл —
С темнотой бороться.
Обнажая стык
Чёрных соответствий,
Кто поджжёт мосты
Жалости и лести?

Ласковый мотив
Раскалённой ночи —
Откровенный миф
Тайных одиночеств.
Горькая строка.
Тихая лампада.
Темень глубока.
Большого не надо.

Пойманный напев,
Изнемогший болью,
Так и не успев
Стать самим собою

В лучшей из Систем
На её же тризне,
Потакая всем,
Став ещё капризней,
Где и тишина —
Порожденье речи,
Стоя у окна,
Слушай долгий вечер!

Чёрная струна
Разрушает гамму:
Музыка верна,
Но она упряма.
Старые меха.
Сусло молодое.
Каждая строка —
Ёрничество боли.

За окном, устав,
Умирает город.
Кружево моста
Схватывает горло.
Каждый выдох — спазм
Несвершённой встречи.
Стоя у моста,
Слушай долгий вечер!

Тайная любовь
Откровенной порчи —
Вот и весь улов
Вдохновенных творчеств:
Голые сады,
Холодок угрозы,
И беда воды
Вечная как слёзы.

В городе имён
Ты осколок звука,

Олово окон —
Вечная наука.
Суета витрин,
Белая цикута,
Как бездарный грим
Дорогого трупа.
Обгоняя тень,
Суетой отмечен,
У холодных стен
Слушай долгий вечер...

...Только луч звезды
Освещает темень,
Только звук слезы
Отмечает время.

* * *

Ласковый размер —
Мой хорей певучий —
Лишь для крайних мер
Сберегает случай;
Рифмою простой
Отведёт несчастье,
Женской теплотой
Выкажет участие, —
Голубой налёт,
Как пыльца летучий, —
Кровью изойдёт,
Сам себя измучит,
И всего затем,
Чтоб в предверьи века
Выбрать ту из тем
Что тревожит эхо.

1986 г.

* * *

Лаура ли, а, может быть, Ленор,
А, может быть, злосчастная Тамара, —
Спор Имени, а, может быть, имён,
А, может быть, времён немая свара?

Скажи, поэт, которой ты пленён,
О ком вздыхаешь всеу, безвозданно?
Лаура ли? А может быть — Ленор?
А, может быть, Марина или Анна?

Что может быть, чего не может быть?
Клубком свернулось брошенное время.
Все имена придётся позабыть
Для одного, что вчуже и над всеми.

Коварен взгляд, а коготь так остёр,
И зло всё то, что создано и тленно...
Лаура ли, а, может быть, Ленор?
Нет, всё-таки, неверная Елена!

* * *

Лето закончилось,
А мы так и не успели
Стать взрослыми.

Мы надоели небу, –
Оно не смотрит на нас
Чёрным бельмом синевы.
Если дождь, то только радиоактивный.

И счастьем,
Стоящему в дверях,
Нет больше до нас никакого дела.
Нам нечем оправдаться
На суде вечности!

Но мы
Любили.

* * *

Лето ли это?
Акриловый смак дождя,
Соловьи не стучат
На швейных машинках
Кладбищ,
Трава inferнальна и амбивалентна,
Деревья плывут
Снизу вверх
Справа налево,
Улица как продолжение ночи
С одноразовым солнцем в конце,
Пространство занозою под ногтями, —
Хрупкая преграда
Однообразью дня.

* * *

Лето окончилось. Кровью окрасились клёны.
Ветер продрогший срывает листок календарный.
Ветви холодные бьются в окно исступленно,
Словно надеются вызволить полдень бездарный.

Надо ли верить, хотя бы в осенней икоте,
В непостоянство, безвкусье последнего грима,
Чтобы найти утешенье в отвесном полёте
С привкусом горьких костров и холодного дыма?

* * *

Лето с запахом шафрана
Тень наводит на плетень,
Словно фигу из кармана
Достает ненастный день.

Это — страшный сон поэта,
Это лето, гой еси!
Перевернута карета
Фазтона в небеси,

Истомленная намедни,
Ждет голодная трава,
Что ненастье не замедлит,
Рассупонит рукава.

— Что, Илья, Господень мерин,
Иль слабо тебе с любой
В грозовом покатом небе
В ступе с бабою-ягой,

Или зря тебя просили,
Чтя предтечею дождя,
Или ждать теперь Мессию,
Обинуясь, без тебя? —

Но над злобою пернатых
Набухают рамена,
Небо спасами чревато,
Спасом улица полна...

Сокровенная стихия
Зацепилась за насест,
Только всполохи сухие,
Только марево окрест.

В небе спят. Пред образами
Воск горит как керосин.
Рыбы с детскими глазами
Грезят хлябями пустынь.

ЛИМРИКИ

* * *

Щепетильный поэт из Бостона
Был поклонник хорошего тона.
Никакой моветон
Не вмещался в Бостон,
Пока в нем жил поэт из Бостона.

* * *

Безрассудный поэт из Нью-Йорка
Долго Бога искал — всё без толку.
Вот однажды нашёл
И, залезши под стол,
Горько плакал поэт из Нью-Йорка.

* * *

Гениальный поэт Ниоткуда
Пил всю жизнь в ожидании чуда.
Стал бессмертен он, но
Походил на говно
Гениальный поэт Ниоткуда.

* * *

Симпатишный алкаш из Ростова
Бросил пить в половине шестого.
И с тех пор он не пил,
Потому что весь пыл
Вдруг остыл в половине шестого.

* * *

Лицо Кавказа смотрит на меня,
Суровое молчание храня.
Извив геологической коры,
Он напряжен, он ждет, его миры
Соблазном полны, утлы как туман.
Исконно неуютны для славян.
Здесь всё чужое жителю равнин —
Гнетет земля, которая над ним,
Высокомерна каменная статья,
А жизнь безмерна — для того, чтоб ждать.

Исконный, неуклонный сон земли.
Окаменевший храмом на крови,
Каким богам ты молишься теперь
Замшелыми руками крепостей?
Судьбы твоей никто не полонит,
Пусть мягок сланец, но суров гранит,
Ты навсегда останешься ничей.
На вавилонском торжище речей
Здесь каждый встречный в сущности изгой,
И только звезды вечны над тобой.

* * *

Ловля синих кузнечиков
в синей траве
бесконечна, —

Синее на синем
Не составляет контраста,

Белое на белом — след на снегу.

Любая зима кончается,
И тогда
На поверхность всплывают кости деревьев,
Скелет новогодней ели
Напоминает скелет.

— Отомри замёрзшая птица! —
Но это — душа...

Ловля синих кузнечиков
В небе усталости.

* * *

Ложь всегда болезненно правдива,
Ложь всегда — от третьего лица,
В гуще муравьиного курсива,
В толще первородного кольца,
Пустотой, пересечённой светом,
Холодом последнего глотка,
То обетом нищим, то наветом
Продаётся правда с молотка.

Это — ложь, она глаза мозолит,
И всегда известна наперёд,
Эта ложь, ввиду свободной воли,
Это ложь, которая не врёт.
Что ты знаешь о провалах света,
Уцепившийся за окоём?
Только ложь ещё твердит про это
В ослеплённом сумраке твоём.
Только ложь ещё способна верить,
Но боится Божьего лица,
И надёжно запертые двери
Охраняют истину конца.

* * *

Люди с вертикальным сознанием,
Типа Ван-Гога,
Любят небо.
Достоевский уходит в вечность,
Медленно вырастая.
Экзистенция совести,
Номинализм горького хлеба —
След в памяти;
След на песке шебуршащем,
Страх немоты,
Преждевременность старенья.
Небо Ван-Гога
Воспарило над нами
Лёгким нажимом руки,
Нажимающей клавиши
Баха.
Лёгкая память шагов осторожных,
Мимо спешащих,
Лёгкая память —
Вечная память —
Боль немоты бесполезного слова, —
Страшного времени исповедальня,
Тихое море,
След на песке обнажённом.
А дальше —
Что дальше?
Вечер и чёрное небо.
След от звезды угасающей
Невосполним.
С нами беседует,
С нами молчит мирозданье,
Но сохранить нашу тайну оно не всевластно.
Кто же прочтёт нашу исповедь?
Только песок уходящий
Волнами в небо
Ван-Гога
Горько-соленной тетрадью.

МАЛЕНЬКАЯ БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ

Говорили письки: — Жизнь даётся раз! Почему ж пиписьки
обижают нас,

окружают строем, нападают враз,
кто бы стал героем,
кто бы письки спас! —

Старшая пиписька говорит: — Дела-а! Обнаглели письки.
К бою, детвора!

Нападай оравую из глубин травы.
Наше дело — правое,
письки неправы! —

Всполошились письки: — Как же это так? Отчего пиписьки
в наших же кустах?

Лето в целом свете. Свет пролит рекой.
Да гуляет ветер...
Ужас-то какой! —

Главная пиписька — ленты до бровей — как завидит письку,
так орёт: — Скорей!

Вон она, корявая! Живо! Мать твою!
Мы умрём со славою!
Не зевать в строю! —

Каждая личинка в этом мире — зверь. Если ты — тычинка, —
смело в бой! И верь:

дело наше — свято; не сочти потерь!
Даже пестик брата
не сестра теперь.

Всем нужна прописка, стебель ли, кора, — соглашайся, писька,
и пойдут дела!

Лепестки — оправую. Бой идёт к концу.
Наше дело правое...
Осень на носу.

28.7.2012

* * *

Мальчик тонкий как икона –
Не пожать руки.
В этом доме все исконно,
Даже сквозняки.

Грустным именем Селена
Беды назову,
День погаснет постепенно,
И – ничком – в траву.

Небо выцвело в окошке,
Тяжела рука,
Алюминьевые ложки,
Чай из табака...

Вдруг ударит с небосклона –
Ослепью – в глаза!
Мальчик тихий, как икона,
Тихий, как слеза.

* * *

Медленное понимание,
Не быстрее снотворных капель.
Тихие волны памяти.
Сон, повторённый дважды.
Небо в горстях у ребёнка,
Тайные знаки света.
Есть ли что-либо проще,
Чем неизбежность плача?

* * *

Мерцает Сириус в окне,
Голубоватый и колючий,
Он стережет меня вовне,
Звезда несчастная, как случай.

Пусть правит Тот, пусть правит Сет,
Как пирамиды, монотонен
Рассвета костяной корсет
Над дельтой мира, тьма оскомин.

С тоской, так смотрит крокодил
На пролетающие стаи,
Течет вселенная из дыр,
И время свой гроссбух листает.

Поверенное внешней тьме
Скулит бездомное созвездье,
Так стон, приснившийся во сне,
Исполнен смутного известья,

Что ночь, как Чёрная Вдова,
Плетёт тенёта терпеливо,
И Нил вращает жернова
И мирно спит в часы разлива.

* * *

Минута странного похмелья,
Умытных плачей и крестин.
Что потерял здесь, пустомеля,
Среди разостланных пустынь?

Среди безумолчных скрижалей,
Среди поруганного сна,
Где всё — заученная жалость —
Идёт-бредёт собой сама?

Осеннюю подъемля чашу.
Наполненую через край,
Ужель прощаешь обокравших
Твой безучастный мёртвый рай?

Ужели горькая цикута
Среди беспомощных обид
Нас обошедшего уюта
Теперь тобой заговорит?

Ужели плачей стародавних
Прольётся стойкое вино?
Ужели жить нам во страданье?
Ужели небо суждено?

* * *

Мир полон Божьей тишиной,
Покой души настолько полон,
Что, если б жизнь была иной,
Не стал бы хуже труд Господен.

Крылатый времени паук
Ползёт по нити без возврата,
И молча замыкает круг
Ночь в середине циферблата.

Обидно! Бездна шарит дно,
Вернувшись к чётке изначальной.
Процеженное сквозь рядно,
Всё в прошлом. Прошлое — случайно.

Мысль изречённая, есть речь!
Своим надуманным исподним
Невыносимо пренебречь
Пред нагим образом Господним.

Лови нелепицу слезы
И разбавляй при каждом слове
Вином из крови и воды
Причастие воды и крови.

Куда ты метишь, блудный сын,
Мишень в глазах родного брата,
Набор случайных величин
Слепых отметин циферблата?

Печален времени навой,
И в этом вся твоя награда —
Блестит динарий с головой
В тарелке полной винограда.

ТАРАНТЕЛЛА

Мир умеет много гитик,
Без начала, без конца.
Откровенный паралистик
Порет в жопу мертвеца.
«Гиль! — кричат со всех сторон, —
Это полный моветон!»
А на самом деле это —
Пополнение бюджета.

Посреди семи морей,
Где луна бежит от солнца,
Есть горбатый мавзолей —
Дом убогого чухонца.
В царствии тепла и света
Есть места, а места нету,
Здесь никто не виноват:
Экономия затрат.

Мы наивны и обманны,
Вольнодумны и верны.
Есть у каждого карманы,
При карманах есть штаны.
Наши лучшие умы
Смотрят вдаль сквозь бездны тьмы,
Там родной (как солнце!) кукиш —
Не продашь его, не купишь!

Колесо стремится вдаль
По ухабистым просторам,
Вертикаль-горизонталь
Перекрученным узором.
Кто-то серый, весь в граните,
Застит солнце нам в зените.
Посидим в его тени.
Лишь бы не было войны...

* * *

Мне бы жизнь сыграть как фугу,
Ноты лишней не творя,
Ледниковому испугу
Путь в низину проторя,

Чтоб, вконец, невыразима,
Нежно путая слова,
Жизнь обманчивой ундиной
В блеске инея плыла,

Чтобы в фокусе нерезком
Свет и тень вели игру,
Чтобы жизнь была довеском
Яркой смерти поутру.

* * *

Мне нравятся люди с глазами хентай,
Хотя я не видел их в жизни ни разу,
Но, если и встретил, наверно бы стал
Я их избегать как любую заразу.

Ведь ясно, они повредились в уме,
И завтра повесятся либо сопьются.
На что в этой жизни глаза-аниме!
Как чайные блюдца,
Которые бьются...

18.03.2008

* * *

Мне хотелось броситься плашмя
В плоскую уветливую землю —
Этот мир, похожий на меня, —
За руку не пойманный бездельник.

На часах, вращая циферблат,
Время не обжито, как пространство.
Муз не выбирают: все подряд —
Темнотой — являют постоянство.

Разве кто-то чем-то виноват
В том, что душу не испить словами!
И слепой как вечность циферблат
Наделён особыми правами.

Сон земли, увиденный в упор —
Лучшее из здешних оправданий.
Хлюпает уютно под ногами
Суеты селёдочный рассол.

* * *

Мои гениальные дети — стихи,
Печальные дети с большими глазами,
Прощайте врагов, отпускайте грехи,
Не помните зла, становитесь богами.

Ступайте по миру, где лживый пророк
Несёт окоlesiцу сонного бреда,
Где гордиев узел беспутных дорог
Вас к славе не выведет, выведет к небу.

Живите без памятованья о мне,
Что толку в случайной потуге рожденья,
Когда вы сгораете в горнем огне,
Чтоб пеплом вернуться на ниву сраженья,

И снова воскреснуть за чьи-то грехи,
И вновь породниться с пылающей бездной.
Мои окаянные дети, стихи
С судьбою богов, никому не известных.

18.10.2008

* * *

Моление о всех, кто сюда не придёт,
О тёмных сердцах, переполненных влагой,
О втопанных в землю, застрелянных влёт,
Кто жил и влюблялся с посмертной отвагой,
Кому и сейчас не сносить головы
Средь потных хранилищ словесного лома,
Об имени пепла, о боли травы,
О мёртвых записках из мёртвого дома...

* * *

Молись языческим богам.
Там
Ты можешь
Не рассчитывать на прощенье.
Там
Закон крови
Живёт в темноте любви.
Там
Каждый волен
Умереть сегодня.
Там
Всегда голубое небо.

* * *

молиться позднему снегу
плакать с ним
в отвесном полёте
ложиться в мокрую землю
говорить слова
непонятные даже тебе
даже тебе
ненужные
слова снега
вечно таять падать и таять
и таять
не находить слов...

1990 г.

* * *

Молиться темноте за окнами квартиры,
Молиться высоте седьмого этажа,
В прекрасном и смешном, и ненасытном тире
Так молится мишень, от наготы дрожа,
В безумии своём сама себе порука.

Неистовый июнь прессует небеса.

При голосе твоём не пророню ни звука.
Давно мне суждены другие голоса.

* * *

Молчи, кармическое зло,
Чтоб не остаться без обеда,
Сегодня нам не повезло,
Так будем праздновать победу.

Сегодня нам не повезло,
И завтра повезет едва ли,
Мы жили весело и зло
И, слава Богу, проиграли.

Грядет по всем материкам
Сомненье, жалкое до смеха,
Спасибо Божьим сквознякам
За недарение успеха.

И что с того, что всем назло
Цветут чумные пасторали!
В игре без правил нам везло.
Но мы, по счастью, проиграли.

* * *

Море волнуется — раз,
Море волнуется кстати,
В каждом весёлом накате
Светится бронзовый глаз.
На этажерку души
Прыгает кошка неслышно.
Ветер цветущие вишни
Лапает и ворошит.
Где, на какой из спотык,
Этот мотив был заучен,
Ваше Высочество Случай,
Ваше Величество Стыд?
Где голубая трава
В небо вырастает корнями,
И шелестит временами...
Море — волнуется — два!

Море волнуется — два,
Море волнуется странно:
Холод пространства — нирвана
Горького миндаля.
Падает на виски
Груз ясновидящей соли.
Чуткие пальцы фасоли —
Цепкость весенней тоски.
Горькая прель вечеров
Пахнет звериным ночлегом...
Остановись! Не исследуй
Кровоточащих миров,
Тайной, сожжёной внутри,
Не выходи из потёмок...
Но произносит ребёнок:
«Море волнуется — три!»

* * *

Москва, Москва, как много в этом звуке
Тяжёлой лжи и потной соли сна.
Звучат, дождём роняемые, руки,
Безмолвствует церковная весна.
На купола потерянного слова
Рука знаменьем крестным сведена,
Я постарел под небом изразцовым,
Где родина лишь память, не страна.

* * *

Мужчина после сорока,
Чтоб не сойти с ума от скуки
С утра, слетает с турника
В объятья белобрысой суки,
Он цедит пляжный купорос
Бокалами аппетита.
Как плоть гниющих тубероз
Навязчива и терпелива!

Мужчина после сорока
Блуждает в поисках покоя,
Забвенье, мрачно как река,
Белеет домик за рекою.
Преумножаются долги,
Делясь на годы без остатка,
Ушли друзья, уйдут враги,
А жизнь останется — загадка!

Ни плоть, в режиме холостом,
Ни время, что заходит с тыла,
Пред вечностью как пред постом
Гнетет заботою постылой,
Мережит в сумерках тоска,
С утра пошаливают нервы,
И стертый опыт сорока
Не упасет от сорок первой.

МУЗЕЙ

Я здесь который час, который век?
Как всё это до боли мне знакомо:
Глупейшая история Содома,
Где город обречён, и человек
Не покидает будущих руин,
Как если бы он был во всём повинен,
Словно души бессуетное имя
Жизнь оскорбит продлением своим.

Да есть ли смысл
Из увядшей розы
Варить сироп
На медленном огне!

Овидий — человек метаморфозы,
И то сказать, не по своей вине.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

А.А.

Ну что, мой старый Августин,
Июльской ночью непробудной
Ужель над прожитым грустим
Несбывшимся и неподсудным.
Ужель, мой старый Августин?
Ужель, мой старый Августин?
Ужель над прожитым грустим
Несбывшимся и неподсудным?

Как видно, так заведено,
Что мастер стар, как домино,
Но то, что им заведено,
Знай, остановится не скоро,
Знай, милый Августин, давно
Поблекло таинство узора,
Но звук роняет все равно
Шкатулка, именем Пандора.
Увы, мой милый Августин,
Ужель над прожитым грустим?
Был мастер стар, как домино...
Шкатулка, именем Пандора.

Нажим изношенных пружин
Рождает голос клавесина,
Здесь жил когда-то мудрый Джин,
Но он не вынес Августина.
Вращает ночь веретено,
И нить ложится — не рядом,
И что с того, что все одно
Звучит повтором тароватым,
Мой милый Августин, вдвоем
Мы песню старую поем,
Мы не умрем, не оживем,
И мы ни в чем не виноваты.
Милый Августин!
Милый Августин!

* * *

Мы – прах, и кто оспорит это,
И равнодушный и земной.

Кружится грязная планета,
Подвластная себе самой,
Ещё недавно в снег одета,
Но белизна – всё та же грязь,
Кружится жалкая планета,
В пространствах судрожно двоясь...

Часы, столетия, эпохи
Под вулканической золой,
Но – жизни первые всполохи,
Зазеленевшие травой,
И Тот, Кто, – позже в испытаньи
Потопом грязи и стыда, –
Творит из праха и дыханья
Подобье – смертное – Себя!

Но наша вечная отчизна –
Прах, глина, пепел и песок,
Где от деревьев (с мёртвой жизнью)
Нас отделяет красный сок.
Мы мало унесём в могилу:
Как в заколдованном кругу
Вернём дыханье Господину
И станем деревом в снегу.

Его пружиной разогрета
Планета рваного шитья,
С волшебной грязью человека,
С чудесным прахом забытья.

* * *

Мы всё переживём.
Да и когда — иначе!
Нас не застать врасплох, и в этом вся беда...
Авось, календари не всё переинчат
Авось, не подведут надёжные друзья.

Мы всё переживём.
Мы помним, что вначале
И травы и людье, мы были заодно,
Мы будем воду пить, мы станем небо славить, —
То, синее врасплох,
Летящее в окно.

Мы станем уповать на неразумность птичью,
Мы станем забывать невнятный свой язык,
Мы станем тосковать по прошлому обличью,
Когда мы были всем,
Но нам хотелось быть...

* * *

Мы здесь все на земле по особому праву.
Опускается осень на птичьих крылах
По асфальтам клевать дождевую отраву
И бесшумно сидеть на фонарных стволах.

Пусть еще зелены молчаливые травы,
Ветер полон соблазнов — курсив на полях,
О осенний дурман, по какому уставу
Ты танцуешь на желтых твоих алтарях?

Мы, рожденные в смерть, понимаем однажды:
Тяжек крест нам бездарной юдоли земной,
Пусть же дождь напоит нашу вечную жажду,
Пусть же дождь изойдет нашей вечной виной,
Нашей вечной, но мы не хотели иной.
Мы все выживем, если не выживет каждый!

* * *

Мы не виновны
Пред небом и солнцем,
Луною и звёздами,
Дождём и туманом,
Цветущим апрелем,
Волхвующим маем,
И лишь
Пред ладонью
Протянутой нищего
Мы небескорыстны.
Мы разорим дом,
Но это
Только
Агония.
Мы говорим о стыде,
Но это только
Агония.
Мы даже
Врагам не прощаем.
И брат наш —
Пёс шелудивый
Во многом
Достойнее
Нас,
И любит
Своих
Палачей,
Не молясь;
В нас кровь — недостойна собачьей.
У нас есть язык,
И мы лжём.
У нас есть
Слепые глаза
И гнойное тело.
Возьми нашу душу,
Пока и она не истлела,
Прими нашу душу,
Спаси нашу душу
От нас.

* * *

Мы не можем никуда опоздать,
Наше время — из одних мелочей,
Только чёрные как ночь поезда,
Только дождь, что откровенно ничей,
Только лето, как пьянящий наркоз,
От которого томление в груди.

Поезда уходят в небо — насквозь,
Оставляя пустоту позади,
И смыкается она, пустота,
Оставляя запах гари во рту.

Только чёрные как ночь поезда —
Там, где рельсы образуют черту,
Только пьяный неприкаянный дождь,
Обещающий сорваться на град.
Поезда увозят правду и ложь
Обещавших, что вернуться назад.

21.07.2010

* * *

Мы облачное тесто месим
Для сотворенья букваря,
Когда-нибудь и мы заметим,
Что всё не зря, и мы не зря.

Один танцует, третий плачет,
Восьмой в неравный вышел бой,
Обетованье и удача
Не уживутся меж собой.

Но сны прозрачные, как жалость,
Дарует небо в смертный час:
Всё умерло, всё отлежалось, —
Прими безгрешных грешных нас!

* * *

Мы осторожны до поры
и не опознаны дворами;
беспечен праздник детворы —
трава двора с его дровами.
тебя приветят голоса,
не распознав твоей молитвы,
где подворотня припасла
след сигарет и кожу бритвы.

Выслеживая пустоту,
будь бесконечно осторожен.
двор укрывает наготу,
чтоб тем верней пугать прохожих.
когда рассвета канитель
отрежет ночь от кромки крыши,
ты осознаешь смысл и цель...
тебя поймут... тебя услышат...
всё — по канонам воровства, —
когда, в чужих карманах роясь,
поймёшь, какого торжества
ждала израненная совесть.

1980 г.

* * *

Мы помним чёрный карнавал
И золотые губы пашен,
И Моцарт захмелел от яда,
И вечер золотом украшен.
Сто раз повторим имена —
Сто раз уколемся о розу,
Ах, Моцарт, Моцарт, пей до дна,
Твой requiem уже не страшен.
Играй потерянной рукой,
Плати отравой за отраву.
Пора в дорогу. Чёрный путь
Указан золотым свеченьем.
Пусть роза желтая горит,
Пусть дождь идет дождям навстречу,
Ты не достоин сам себя,
И не простится lastimoso.
Играй. Немного погодя
Тебя закружит чёрным снегом,
Играй отчаянно и нежно,
Играй, пока Сальери плачет.
Играй, пока слепой скрыпач
Не выступил из чёрной ниши,
Пока Сальери душит плач,
Пока тебя никто не слышит.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ № 27183

Мы сидим на кухне розовой,
Сладко пахнет хер берёзовый,
Из угла глядит растерянно
Неврастёния растения.

Счастье – кроткая двурушница –
Не стоит оно, не рушится,
Ходит Лихо между лишними
Невеликое, неслышное.

Жизнь – досадная безделица:
Свет горит и дым куделится,
Тараканы за корзинами
Чёрствый хлеб приватизируют.

Что ж ты в душу сиротинную
Смотришь, как в нору крысиную?
Хорошо б уехать за море –
То ли сделать обрезание?

Ночь пройдёт, и жизнь промелется,
Ничего не перемерится,
Хорошо б уехать к ужину –
Только мы и здесь ненужные –

Чтоб, монетой неразменной
Грохоча над Эйкуменою,
Мекку путая с Мессиною,
Плыть зловоньем керосиновым...

* * *

Мы снялся Богу по ночам,
Звезда восходит от порога,
Но, темнотой скрывая Бога,
Нам время врет по мелочам.
Глубокий обморок хранит
Мир, что во тьме необитаем,
Он ветром в душу проникает
И вечным холодом пьянит.
Но Тот, Кто видит нас во сне,
Нам дарит вещью тревогу,
Ведь по ночам мы служим Богу
В великой Божьей тишине.

* * *

Мы спрашиваем — нам не отвечают,
Да мы, по правде, и не ждём ответа,
Давай с тобой дотянем до рассвета,
Звезда в окне нам не подарит света,
Но нас с тобой и это не смущает.
Нас спрашивают, нам не отвечают!

Есть музыка, есть три-четыре ноты.
Звучащие потерянно и валко,
Уют от незажжённого огарка
На кухне ослепительной и жалкой,
Но я тебя не спрашиваю, кто ты
Есть — музыка иль чёрная работа.

Есть чёрное сомнение слепоты:
Сквозь листопада смертную зевоту
Смотрю туда, где луч осенний — ты,
В бессовестном величьи наготы,
Как паука берёшь шальную ноту
И это только свет уже, — не ты!

И этот свет — отчаянно пуглив.
Я спрашиваю, я не жду ответа,
Есть участи достойнее, чем эта,
Мы жили так, иначе не смогли,
Мы медлим в ожидании рассвета,
Мы, как страницы позабытых книг
И номера автобусных билетов.

* * *

На блеклость зимнего коттона
Свинцовым холодом соря,
Летит повозка Фаэтона
По клятым числам февраля.

Сквозь сгусток азбучных буколик,
На опрокинутость Росей,
На ледяной летейский берег,
Сквозь треск расколотых осей
Грохочет пьяная поклажа,
Ломая конские хребты.
Течёт растопленная лажа
Незамутнённой чистоты, —
Сосульками благого смысла
Вонзится в мёртвые глаза,
Пока февраль горбатит числа —
Пока соврать себе нельзя!

И раскалённым законным
Законным холодом в кону
Пылит повозка Фаэтона,
Не подчиняясь никому.

1994 г.

* * *

На дворе — трава, на траве — дрова.
Не всегда выигрывать твоему «зеро».
Возраст предъявляет свои права.
Седина в бороду, бес в ребро.
Заманили козлика в тёмный лес,
Наказали серому тихо жить,
Не ходить без повода в Райсобес,
Понапрасну с бабушками не дружить.
Он живет и млеет своей виной,
Потрясён величием шашлыка,
Перед волчьей ягоды купиной
Никакая ноша не высока.
И плывут Антильские острова.
Мерно разрастается тёмный лес.
Жизнь, как ни выкручивай, завсегда права, —
А свинья не выдаст — Господь не съест.

* * *

На Дереве Познания сидит Соловей-Разбойник. Добро и Зло, сено, солома. Час Быка Кришны – утро пятого дня творения. «Плодитесь и размножайтесь, – говорит Господь, – плодитесь и размножайтесь, идиоты!» На конце слова «Лошадь» обвисает мягкий знак. Змея размышляет в траве о вечности. Когда ньютоново яблоко проломит ей череп, адамово яблоко съест червяк... И из него-то и выйдет бабочка.

* * *

На дне
Когда-то бушевавшего
И высохшего ныне моря
Лежит
Небо
Полное негодующих кузнечиков
И слепорождённых трав,
Слегка колышемых неумирающим ветром.

И, если закрыть глаза,
Можно оказаться на
Морском пляже.

Но это походит
На игру в жмурки
С собственной
Совестью.

* * *

На меня идёт пустота
Непроглядной цепью глубин,
Мря нетронутого холста,
Бесконечность степных равнин.

Словно птица, в тени куста
Замерзает вчерашний снег...
Пустота, она не проста,
Пустота на устах у всех.

Кто бы с ней породниться смог!
Белый пепел парит с небес...
В пустоте пребывает Бог,
В пустоте обитает бес.

Холодна, лишь себе верна
В землю вросшею белизной,
Струнным воздухом леденя,
Пустота обладает мной.

18.01.2009

* * *

На месте, на пустом,
Где прошлое лежит,
Мы строим себе дом,
В котором будем жить.

Мы строим себе пол,
Мы строим себе стол,
Вокруг стола забор.
Ворота и запор.

И дело здесь не в том,
Что нам охота жить,
А чтоб построить дом,
Который не сбежит,

Который будет здесь,
Среди вселенской тьмы,
И жить, и пить, и есть,
И видеть наши сны,

Который будет тут
Стоять на месте нас,
Из бревен и минут,
Из сквозняков и глаз.

На месте, на пустом,
Под небом, полным лжи,
На языке простом
Курлычут этажи.

* * *

На неделе на Страстной
Пахнет струганной сосной.

Свет идет от алтаря,
Бога прочно воцаря.

Свет пронзает алтари.
Голубь топчется в пыли.

Чудо-птица, Дух Святой,
Что тебе в пыли простой?

Видишь свет и алтари,
Видишь церковь во крови —

Погружен в потоки слез,
Ждет на паперти Христос.

Длань просящего пуста,
Ночь Великого поста,

Где в молочной густоте
Церковь виснет на кресте.

Словно чётки тропаря,
Церковь нижез купола...

Пахнет струганой доской.
Пахнет смертною тоской.

* * *

На свете счастья нет,
Но есть покой неволи
И, что ни говори,
Все прочие блага:
Сады семирамид,
Протраченные моли,
Куриные бои
И рачие бега.

Есть крошки в бороде,
Есть ругань в общем гаме,
Офелия плывёт какашкой по воде,
Сидит моя судьба
Всей жопой на органе,
Есть всё, что хочешь есть,
А счастья нет нигде.

* * *

На сердце отирая заеды,
Смакую вечные субботы,
Как чайки, умершие в гавани,
Сидят поэты без работы,
И прячут помыслы усталые,
Уставшие на самом деле,
Ублюдки мира и наставники,
Жизнь скоротавшие в борделе...

Кого вспоить небесной лажею
Укажет позднее сиротство,
О соловьиное адажио,
Как о булавку, исколоться!

Уже почти пронумерованы
Сии подобья совершенства,
И, как зверьё, вдали от родины
Их души обрастают шерстью,
Их греют сумерки бессмертные,
К ним льнут классические розы.

Рыдает совершеннолетняя
Их Муза замужем у Прозы.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Как наследная вина,
Мреет медная луна,
Нежит прусская зима
Нежить русского ума.
Вьюжит южная юза,
Задувает образа,
Ходит белая стена,
Задевая за дома,
Затевая невнарок
Колокольный кекуок,
Даль молочную лия.
Протекает адея,
Адонай твоей тюрьмы
Необъятной тишины,
Вытекает через край
Рай похожий на сарай,
Где дрочат свои потёмки
Благодарные потомки.

* * *

*Не найдёшь там зимних масел рая
Конькобежного фламандского уклона.*

О.М.

На то ты кисть, что многопала,
Шерстинкой каждую строга.
Белил неясные опалы,
И масел злые жемчуга.

Движеньем точным и холодным
То нервный выдох, то испуг
Творишь. Рождённое сегодня
Стремится вырваться из рук.

И что нам рай, что не обещан,
Что соль земли, что делать с ней?
Ты — кисть — прообраз тонких женщин
В обманах складок и теней.

От грубых сказок Соломона
До терпких ядов Лао-Цзы
Всё — раболепие закона
Пред яркой бездною слезы.

Ты вся — нелепое коварство
И несговорчивая ложь,
И грош цена тебе. Но царство
Здесь продаётся ни за грош.

* * *

На той стороне Леты
Стоит золотая осень,
Шальные плывут светы,
Мережит бельмом просинь,
Стоят золотые гробы
На черных своих лафетах,
Где синие спят микробы
До следующего лета.

На той стороне Леты
Плетут кружева маки,
Святые живут бреды,
Ведут хоровод мраки,
Отравой сухой в очи
Седая летит пудра,
И гаснут огни ночи
До следующего утра.

Разменной звеня монетой,
Виновное перед всеми,
На той стороне Леты
Живет нежилое время.
Смотри, не молясь, присно,
Из темных глубин смеха,
Как гаснет твоя пристань
До следующего эха.

SOUTHERN COMFORT

На торжище света,
Идущего на убыль,
Деревья лохматыми псами
Тычутся в ветер,
И поют бельевые верёвки
Забывшую песню слёз.

НАУГАД...

«На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чём горевать,
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.»

...Квартиры озонное море
Встаёт за моею спиной
Никчёмностью книжных историй,
Банальной своей крутизной.

Разбуженным снам не прорваться,
И тот, кто разбужен, не ты ль?
Озноб кругового пространства,
Прибоя трёхдневная пыль.

Как будто дарована милость
Предвестья пустых похорон —
Дождя откровенная сырость,
Забравшая душу в полон.

* * *

На что индейке День Благодаренья,
Под соусом, в отеческом дыму?
(Метафора рождает преступленье...)
Привет тебе, прекрасное творенье,
Которым всё вменяется в вину,

Те тени, что сбиваются в передней,
Тот Млечный Путь, что мечет седину,
Тот зябкий пот, которым плачет ледник,
И, что еще останется последним,
Наследующим сбивчивому сну!

Спадает снег, как пелена творенья,
Не ведая новосполнимых трат,
Стрекочет шестикрылый аппарат,
Но шестерней нарушено сцепленье,
И брат следит как умирает брат,

А снег идёт, как инок на моление,
Но блудный сын не ведает родства,
Убийственны законы естества...
На что индейке День Благодаренья,
На то свинине Праздник Рождества.

* * *

Наверное – ранним временем –
Молчанье звучит как вызов,
И солнце – в дыму растения –
Взбирается по карнизам,
И вот уже – тайным шепотом
Тишайших смертельных трелей –
Опознан, как Каин Господом,
И – как дезертир – расстрелян;

Ему же – вконец израненному –
В кровавой рассветной вышне...

Да кто же не странен странному,
Когда отцветают вишни!

1987 г.

* * *

Над быстрой рекою,
Над чёрной водой
Сидел человек
Такой молодой...

Всё вздор, суета, начинаю сначала:
Река в полнолуние, как птица, кричала,
Над быстрой рекою,
Над чёрной водой...

Опять этот вздор! Мне не сладить с собой,
Ведь надо сказать, что река омывала
Священного грота глухие провалы,
Над быстрой рекою,
Над чёрной...

Постой!
Ты вывернешь душу, мотивчик простой,
Тебя повторяет со смертной истомой
Душа,
Словно звук уловила знакомый,
Над быстрой рекою,
Над...

Что за напасть!
К частушке какой-то душа прикипела,
И я уличаю постыдную страсть
Души неразумной и смертного тела,
Как будто мы знаем,
Мы помним с тобой —
Над быстрой рекою,
Над чёрной водой
Сидел человек
Такой молодой,
Делился с рекою
Своею бедой,
Река же беды его знать не хотела.

* * *

Над городом туман
Тончайшего удушья,
Как будто пущен газ
Безгрешною рукой.
Египетская тьма,
Помилуй наши души,
И брэнною тоской
Навеки успокой!

Ночь движется как тать,
И нижется бессонно
Раздвоенная явь,
Живущая окрест.
Чтоб было что скрывать,
Добычею Ясона,
Египетский устав
И вавилонский крест.

Написаны тома,
А Вавилон разрушен,
Знать, выжил из ума
Бессменный Мусагет.
Языческая тьма
Невидимых отдушин,
Египетская тьма —
Невыносимый свет.

* * *

Над миром полыхает тьма,
И тишина плывёт как зуммер,
Тебе, сошедшему с ума,
Откуда знать, что ты не умер?

Быть может, ты, что столько лет
Отстаивал права безумья
И в полнолунии видел свет,
Был только светом полнолуния.

Луна — особенный предмет:
Она равна себе иною;
Её не спрашивали, нет,
Хотела ль быть она луною,

В пространствах медленных паря
Близ абсолютного нуля.

02.10.2012

* * *

Напрасно дачная погода
Томила душный перегонной,
Весне не верила природа,
Не верила себе самой.

Деревья шли, как арестанты,
По кругу мелкого двора,
Как неразменянные фанты,
В пыли кишела детвора.

Но ни травинки, ни единой,
Не выдавал газон окрест,
Таращась голой серединой
На обещания небес.

И среди нищенского хора
Незацветающих мимоз
Стояла сгорбленная Флора
Немых исполнена угроз.

* * *

...Здесь осень вырастает
в сердечную
полость.

Наш дом на излучке времён и дорог,
Здесь каждый знаком мне:
Рассветная заводь, малиновый смог,
Засиженность комнат, —

Безгрешны, не зная по имени грех,
Бессуетны даже,
И всё же в ответе за этих и тех
В осеннем пейзаже.

А город пресыщен горящей листвой,
Как телом рабыни.
Пьянящий, прозрачный и горький настой
Целебного дыма —

Чтоб не к чему было вернуться назад,
Где любят и помнят,
В рассветную заводь, в малиновый сад,
В засиженность комнат.

Доколе, скажи, за какие грехи
Осеннего сада
Сгорает листва, как сгорают стихи!
Не надо! Не надо!

Железная данность младенческих снов
Поры листопада,
От первых истоков до поздних основ —
Не надо... Не надо.

* * *

Нашаривая темноту,
Во сне гремя коробкой спичек,
Он знал – последнюю черту
Сегодня музыка насвищет,
И, прикрываясь соловьём
Как непонятым псевдонимом,
Она вползала напролом,
Чуть слышимая, и саднила,
Она сгущалась тяжело,
Ей было зря противоречить,
И сон ложился на крыло,
Почти затравленно, навстречу.
Он проникал теперь вполне,
В безумье опустевших окон,
Душа не по своей вине
Бред пьяный лепетала... Вот он
Нашарил, наконец, табак
И затянулся. Полегчало.
Он слишком понимал – никак
Не выйдет всё начать сначала.

* * *

Не беспокой глаза и травы,
Печаль не разбавляй тоской,
Беги зиждительной отравы:
Прекрасен камень без оправы,
Затем что не носить такой.

Глаза и травы — беспокой!

* * *

Не будем сожалеть
О времени пустом.
Нам выпало гореть
Оранжевым кустом.
Не будем сожалеть
Над пустословьем ран,
Пока играет медь,
И водоточит кран,
Пока веретено
Вращается в руке,
Пока заведено
Сердечко на руке.

Остановить часы —
Остановить мгновенье —
Не станут ли пусты
Глазницы вдохновенья?
Кто помнит тишину? —
Да разве в этом суть!
Я время не верну,
Мне время не вернуть,
Уж так заведено —
Плыть в медленной реке,
Пока заведено
Сердечко на руке.

Так вера мерит грусть,
Так совесть ждёт огласки, —
Кто помнит наизусть
Конец любимой сказки:
Сердечко в золотой
Коробочке поёт,
И песенке простой
Кто верит наперёд?
Нам выпало стареть
Меж праздников и буден.
Не будем сожалеть
О времени, не будем!

1983 г.

* * *

Не в вере мир спасётся, но в любви,
И ни к чему переводить чернила.
Ослепшие мои поводыри,
Канавы нас терпеньем одарила!

Но стать собой — не значит ли на миг
Утратить зреньё, слух и осязанье,
Чтоб звук, рождённый небом, не проник
И не нарушил общего незнанья

Того, что только начинает жить
В твоём холодном и бесстрастном теле,
Кто памятью твоей не дорожит,
Пред кем желанья мысли оробели, —

Изгнанник неба и изгой земли
Без имени, как камни, рыбы, звери...
Не в вере мир спасётся, но в любви,
Когда бы быть могла любовь без веры.

1986 г.

* * *

Не верьте человеку,
Послушному, как камертон, –
Язвы пророчества слишком дешёвы сегодня.
Сквозь белила забвения
Проступают фрески смутного времени,
Но и им – не верьте,
Не верьте себе,
Это слишком просто
И безопасно,
Не верьте благовесту
Надтреснутых колоколов,
Боли своей не верьте, –
Она уже обманула вас,
Не верьте забвению, –
Его не будет,
Не верьте молчаливому времени,
Оживающему только в часах,
И никогда не верьте
Мне.

* * *

Не верю в нестрашные сны,
Потому что тайна твоя
Доверчивей глупого неба
Голубиной охоты.
По тому, что
Тайна твоя,
Катятся слёзы дождя.
О то, за чем
Тайна твоя,
Разбиваются звёзды,
Ато зачем было б верить
В самые страшные сны!

* * *

Н.К.

Не всё дано предугадать, —
Есть звук, есть свет и память,
Раз в жизни придет благодать,
И то не к нам, за нами.

Не всё дано предусмотреть,
И не спасёт соломка,
И Петербург качает склеп
Над трупиком ребѐнка.

Тебе — рассвет, а пуще — мрак.
Мне — тишина. Поприщин
Средь толчеи рассудит нас,
Но холод нас отыщет.

* * *

Не к добру тишина наступила,
Проступила как матовый шрам,
И тоскует сосуд Аладина,
И завидует глупым вещам.

Невеликая, вроде, забота,
Не великая, в общем, судьба,
Все в себе мы сохраним кого-то,
Даже любим его иногда.

Он ведёт суетливые речи
В незавидном своём терему,
И, когда опускается вечер,
Мы опять уступаем ему.

Он боится остаться собою
От себя самого за версту,
Как наивные ходики с боем,
Свято верит в свою правоту.

* * *

Не крутизна страшна в полёте,
А нерасчётливые сны,
Когда тоскует дух о плоти,
Но плоть не ведает вины.

Нет! осторожность здесь помеха!
В зубодробительном пике
Смеётся девочка; и эхо
На непонятном языке

Мне повторит законы страсти —
Устои муки вековой.
И вот, как инок на причастье,
Иду разбуженной травой

Туда, где в бешеном просторе,
Не прерывая свой полёт,
Одна, и в радости и в горе
Всё та же, девочка поёт.

1988–2013 гг.

* * *

Не осуждай меня, друг милый,
Как ты не осудил бы зла,
Когда бы знал, Чьей тайной силой
Мне память душу сберегла.

О, эта смерть, о, эта ложность
В остановившейся крови!
И эта жалкая ничтожность
И вдохновенья и любви.

На круг каких ещё печалей
Мы были Духом введены,
Пока себя не повстречали
Меж суеты и крутизны,

За шаг от тщетности открытий,
За два шага до тишины,
Когда в безумии открыты
Глаза и видят только сны.

Когда б ты знал, какую силой
И в Чьём мы плавились огне!
Не предавай меня, друг милый,
Не предавай себя во мне.

1986 г.

* * *

Не полони, не лги, не мучай,
Под небом, траченным тоской,
Трилистник клевера ползучий
С кислинкой дерзкою такой.

В пчелиный воздух проступают
Следы трёхпалого зверья —
Живая истина простая
В трёхкратном круге бытия.

Удел соцветий и созвучий
В зыбучем кружеве минут —
Жизнь опрометчива как случай,
А случай — друг зелёных пут.

Тебе не вырваться из глины,
И мне не стать твоим рабом.
Змеится клевер, триединый
Гостеприимный скопидом.

И зыбкого полны молчанья
Тягучий воздух и стерня,
Нектар гностической печали
Во глубине обороня.

* * *

Не называть, лишь чувствовать и жить.

Т. Крещенская

Не понимать, лишь чувствовать и жить,
Мне кажется деревья нас мудрее,
И оборвав существования нить,
Есть смысл воплотиться только в древе,

И ощущать корнями духоту
Навозной, жирной, черноземной почвы,
И уходить ветвями в высоту,
Уставив в небеса корявый почерк.

И жить в себе, не ведая себя,
И плакать лишь янтарными слезами,
И не любить, и, даже не любя,
С вселенной разговаривать азами.

И умирать, не чувствуя вины,
И снова воплощаться только в древо,
И понимать, зачем порождены
Земля сырая и сырое небо.

* * *

Не смейте торговать землёй горшечника!
не мусольте тридцать сребреников, –
это цена неба;
крови...
Страшная цена поцелуя учителя.

* * *

Не спасёт от безумия крест
И твоя одичалая память, —
Тишина прорастает окрест
Соляными столпами.

Дальний окрик, горчайший оскал
Тишины ледовитой,
Словно кто-то гроссбух пролистал
Сквозь слои мезолита.

Чтобы в мире пребыло светлей,
Не теряйте опоры
Ленинградских державных цепей,
В львов вковаться готовых.

Небу — небье! Зачем же в горсти
Сердце, полное кровью?
Как скворчонка сумей пронести
Эту шаткую кровлю.

Там где реквием, там где слеза,
По особому праву,
Отвори соляные глаза,
Соляная держава,

Отвори, соляная печать,
Двери старого дома.
Нам уже не удастся сбежать
Из родного Содома.

* * *

Не странно ли, в виду у тверди голубой,
Понять не вдруг, что Мастер был безумен,
И не сбежишь зерном, не знавшим гумен,
По жернову, что движим сам собой,

Что наша жизнь – сплошная вечья,
Что мир прекрасен, сколь же и напрасен,
Но небо подпирающих орясин
Минует плодородная струя.

Раскручены Твои колосники
По урожай, что в закромах томится,
А по полям жируют сквозняки,
И сумерки слетаются кормиться.

* * *

Не страшно ли тебе, мой милый враг?
Ты говоришь: — не страшно! — слава Богу,
Ведь Тот, Кто был вчера и сир и наг,
Сегодня собирается в дорогу.

И в голубом просторе белый снег
Его отыщет раньше человека,
Он знает, что безбрежность это брег,
И не было иной судьбы от века
Ни у Него, ни, даже, у тебя.

Не странно ль, милый враг, тебе сегодня,
Что вороньё слетается, галдя,
К вечерней своей трапезе Господней?

1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<p>Вместо предисловия (немного из записей) . . . . . 5</p> <p style="padding-left: 20px;">Искусство в аспекте творчества. . . . . 5</p> <p style="padding-left: 20px;">Sapienti sat. . . . . 6</p> <p style="padding-left: 20px;">Литературный процесс. . . . . 6</p> <p>На голой ветке... . . . . 13</p> <p>Один на один... . . . . 13</p> <p>Смерть — это праздник... . . . . 13</p> <p>Хокку не сложить... . . . . 13</p> <p>9 (22) марта . . . . . 14</p> <p>14 февраля . . . . . 16</p> <p>Вот и... . . . . 17</p> <p>22 декабря 1978 года . . . . . 18</p> <p>Suicide Suum . . . . . 20</p> <p>Terra Infernalis. . . . . 22</p> <p>...А время движется к финалу... . . 24</p> <p>А вы смели надеяться... . . . . 25</p> <p>А дождь всё накапливал силы... . . 26</p> <p>...А солнце пробивается едва... . . 27</p> <p>А я так верил... . . . . 28</p> <p>Август, как закланый агнец... . . 29</p> <p>Августовские ночи... . . . . 30</p> <p>Авраам . . . . . 31</p> <p>Адам . . . . . 33</p> <p>Азия . . . . . 34</p> <p>Ангел смерти прилетал вчера... . . 35</p> <p>Антисонет . . . . . 36</p> <p>Аншлюс . . . . . 37</p> <p>АС Пушкин . . . . . 38</p> <p>Ах, хламиды, ах, монады... . . . . 40</p> <p>Ах, этот чуткий месяц март... . . . 41</p> <p>Бабушка пела в церковном хоре... . . . . 42</p> <p>Баллада о королевском бутерброде. . . . . 43</p> <p>Баллада о Савле и Павле . . . . . 45</p> <p>Белей не будет Рождества... . . . . 48</p> <p>Белые крылья, как ветхие руки — прекрасны... . . . . 49</p>	<p>Белый Ангел прилетел... . . . . 50</p> <p>Белый мягкий город зимний... . . . 51</p> <p>Бессонная память своим позывным... . . . . 52</p> <p>Блажен, кто рано обнищал... . . . 53</p> <p>Блестит осенней амальгамой... . . 54</p> <p>Блошинный рынок . . . . . 55</p> <p>Блудный сын . . . . . 56</p> <p>Блудный Сын на пепелище... . . . 58</p> <p>Богоискатели и дураки... . . . . 59</p> <p>Боже мой, как же мы верили... . . 60</p> <p>Болеро . . . . . 61</p> <p>Большая колыбельная . . . . . 63</p> <p>Бродит старое вино... . . . . 65</p> <p>Будем жить как трава в апреле... . . . . 66</p> <p>Ощущеньем вины полны, Будто генная память погромов... . 67</p> <p>Будь молчалив, как первый снег... . . . . 68</p> <p>Будь осторожен у перил... . . . . 69</p> <p>Будь поласковой с Богом... . . . 70</p> <p>Будь счастлив, человек, сегодня ты умрёшь... . . . . 71</p> <p>Был Хайд ни в чём не виноват... . . 72</p> <p>Быть может, Моцарт — бог... . . . 73</p> <p>В воду пробуждения... . . . . 74</p> <p>В день второго февраля... . . . . 75</p> <p>В доме поселилась тишина... . . . 76</p> <p>Прощание с Эдемом... . . . . 77</p> <p>В канун Великого поста... . . . . 78</p> <p>В любом предмете на просвет... . . 79</p> <p>в моём доме с окном... . . . . 80</p> <p>В небе красная зреет луна... . . . 81</p> <p>В небес стремительном полёте... . . 82</p> <p>В одиночестве наблюдаю наступление сумерек в районе села Сорочин 20 октября 1979 года . . . . . 83</p> <p>В порочных связях не замечен... . . . . 84</p>
---	---

В пространстве, замкнутом дождём....	85	Госпел	125
В пути	86	Господь, когда тебя бы не было...	126
В содружестве света и лени...	87	Гости разъехались поздно...	127
В стольном граде Тегеране....	88	Граматики российской непорочность...	128
В те годы, полнолунные, слепые... 89		Гудят подневольные снасти...	129
В том краю дождя и снега...	90	Гусарский гороскоп для детей	130
В этом мире облака, облака...	91	Да будет легкой заботой....	131
Веретено....	92	Да будет твой полёт высок....	133
Византийское лето...	93	Да кто из поэтов был счастлив...	134
Водораздел	94	Той, что живет на крыше....	135
Сретенье	95	Давайте вернёмся к домашним театрам...	136
De Profundis	96	Мы всё свое время убиваем время....	137
Вот знакомая картина...	97	Даже лужам явлена...	138
Вот он, новый закат...	98	Даже от полуправды...	139
Время — это то, что даётся взаимы....	99	Два голоса	140
Время протрачено попусту....	100	Вполголоса	141
Всё растерявши на бегу...	101	Двойник мой, тайник мой, позволь мне дожидаться и....	142
Всё тягостней дни, всё нелепей...	102	Двор матово-чёрен....	143
Всё, что может сказать...	103	Дедушка Павлов очень любил собак...	144
Всё, что может случиться...	104	Декабрь. Сезон ликантропий...	145
ВСЕГДА (Венок сонетов)	105	Дерево на углу...	146
Вселенная ночью открыта...	112	Беспреданное скрещивание молний...	147
Вспомни, девочка, — как снег...	113	Дождём омытая окрестность...	148
Вчера был дождь...	114	Дождик маленький прошёл...	149
Вчерашние роли...	115	Дождь — есть тайна...	150
Вы знаете как сходит позолота...	116	Дождь мокрым лицом...	151
Вы помните нас, комиссары удушья...	117	Дождь начинается утром...	152
Гамма пассажиров....	118	Докладная записка	153
Где топчутся голуби мира...	119	Территория ОЗ	155
Гипотеза	120	Дороги строят дураки...	156
Глубоким светом наполнено небо...	121	Душа, беги высоких истин...	157
Голова Иоанна; тело его бестелесно...	122	Душу мою усопшую помяни!	158
Гордая сказка...	123	Дуэль	159
Город розов и тих на закате своём...	124	Евхаристия	160

Содержание

Если Вы хотите рассмешить Козерога...	161	Играют Шёнберга	198
Если глубокой ночью остановить все часы...	162	Иеремия	200
Антитеза	163	Из Mother Goose Rhymes	201
Если слепой поведёт слепого... .	164	Из Вильсона.	202
Есть в песне соловья не нужные длинноты, ...	165	Из Пушкина	203
Есть время камни собирать... . .	166	Из России с любовью	204
Есть время подведения итога... .	167	Из сна	205
Есть простота дороже воровства...	168	Имущий жалость, презренья достоин...	206
Ещё не холодно к утру...	169	Иначе нам звучали имена...	207
Ждёт напряженно...	170	Иногда в лабиринте крыса...	208
Желтоглазых домов домино... . .	171	Интонация лета угрюмой.	209
Желябов, Желябов...	172	Иов	210
Жернов моей печали...	173	... А gioigno	211
Жёсткая шерсть газона	174	Исповедь.	212
Жизнь — доверчивая сводня... . .	175	Источённые пальцы дионисовой Музы...	214
Максима	176	Исус Христос сидел в саду...	215
Жил да был Зенон...	177	Ergo	216
Жить в этом городе нельзя... . . .	178	Ищу в созвучьях тишину...	217
За десять минут до смерти... . . .	179	К морю	218
Забудь все домыслы приличные...	180	Каждой голове полагается лобное место...	219
Забывая счёт и стыд...	181	Кажется, только чудом...	220
Предполнолуние	182	Каин	221
Зайчиковая баллада	183	Как безбожно мы обрусели...	222
Заклятье холодом	186	Как в фантастическом романе...	223
Индийское лето	187	Как всегда, безразлично сурова...	224
Запоздалая осень...	188	Как опрометчив этот день...	225
Затмение.	189	Как тебя не страшит глубокое небо осени...	226
Звучит расстроено и странно...	190	Какой паук сплёл эту паутину... . . .	227
Здесь властность сентября... . . .	191	Капли раннего дождя...	228
Зима осени наших сердец...	192	Каприччио	229
Зимы последняя монета...	193	Картавят чайки, и выносит...	230
И горшки лепить...	194	Кислый дух обжитого подворья...	231
И ты, Копернаум, до неба вознесшийся...	195	Когда б змея не проползла...	232
И, если кто-то плачет по разлуке...	196	Когда бы лгать Ты перестал...	233
Иван Купала.	197	Когда возникают финальные сроки...	234

Когда время начинает плодоносить	235	Ласковый размер...	273
Жалкой осенью своего первородства...	235	Лаура ли, а, может быть, Ленор...	274
Когда время очерчивает круг...	236	Лето закончилось...	275
Когда зимние сны подневольны...	237	Лето ли это?...	276
Когда мы были большими...	238	Лето окончилось. Кровью окрасились клёны...	277
Когда над поздней страной...	239	Лето с запахом шафрана...	278
Когда небо грозовою тучей...	240	Лимрики	279
Когда небо...	241	Лицо Кавказа смотрит на меня...	280
Когда стихи немзыкальны...	242	Ловля синих кузнечиков...	281
Когда устанешь пререкаться...	243	Ложь всегда болезненно правдива...	282
Когда январь погодой лютой...	244	Люди с вертикальным сознанием...	283
Колеблемая пламенем свечи...	245	Маленькая большая история	284
Колыбельная	246	Мальчик тонкий как икона...	285
Колыбельная	247	Медленное понимание...	286
Кошки любят рыбу, но не любят воду...	248	Мерцает Сириус в окне...	287
Кошмара ночного...	249	Минута странного похмелья...	288
Край Света за краем балкона...	250	Мир полон Божьей тишиной...	289
Кристаллики льда, а не капельки пота...	251	Тарантелла.	290
Кровавая каша созданья...	252	Мне бы жизнь сыграть как фугу...	291
Кровью прозрачной ненастья...	253	Мне нравятся люди с глазами хентай...	292
Крысолов (<i>поэма</i>)	254	Мне хотелось броситься плашмя...	293
Крысолов	260	Мои гениальные дети — стихи...	294
Кто бы помнил все наши обеты, всё данные звёздам...	261	Моление о всех, кто сюда не придёт...	295
Кто вновь возжигает потухшие свечи?...	262	Молись языческим богам...	296
Кто не спит по ночам...	263	Молиться позднему снегу...	297
Кто ты, откройся, не таясь!...	264	Молиться темноте за окнами квартиры...	298
Кто-нибудь да напишет стишок...	265	Молчи, кармическое зло...	299
Кто-то забился в ночную тюрьму...	266	Море волнуется — раз...	300
Куда стремимся мы, уж тем себя губя... .	267	Москва, Москва, как много в этом звуке...	301
Куда торопишь ты поэта...	268		
как много слов...	269		
Испытание воздухом	270		

Содержание

Мужчина после сорока....	302	На той стороне Леты....	327
Музей	303	Southern Comfort	328
Музыкальная шкатулка	304	Наугад...	329
Мы — прах, и кто		На что индейке День	
оспорит это...	305	Благодаренья...	330
Мы всё переживём...	306	Наверное — ранним	
Мы здесь все на земле		временем...	331
по особому праву...	307	Над быстрой рекою....	332
Мы не виновны...	308	Над городом туман...	333
Мы не можем никуда		Над миром полыхает тьма...	334
опоздать...	309	Напрасно дачная погода...	335
Мы облачное тесто месим...	310	...Здесь осень врастает...	336
Мы осторожны до поры...	311	Нашаривая темноту...	337
Мы помним чёрный		Не беспокой глаза и травы...	338
карнавал...	312	Не будем сожалеть...	339
Реминисценция № 27183	313	Не в вере мир спасётся,	
Мы снимся Богу по ночам...	314	но в любви...	340
Мы спрашиваем — нам		Не верьте человеку...	341
не отвечают...	315	Не верю в нестрашные сны...	342
На блеклость зимнего		Не всё дано предугадать...	343
коттона	316	Не к добру тишина	
Свинцовым холодом соря...	316	наступила...	344
На дворе — трава, на траве —		Не крутизна страшна	
дрова...	317	в полёте...	345
На Дереве Познания сидит		Не осуждай меня, друг милый, ...	346
Соловей-Разбойник...	318	Как ты не осудил бы зла...	346
На дне...	319	Не полони, не лги, не мучай...	347
На меня идёт пустота...	320	Не понимать, лишь	
На месте, на пустом...	321	чувствовать и жить...	348
На неделе на Страстной...	322	Не смейте торговать землёй	
На свете счастья нет...	323	горшечника!...	349
На сердце отирая заеды, ...	324	Не спасёт от безумия крест...	350
Смакую вечные субботы...	324	Не странно ли, в виду у тверди	
На смерть поэта.	325	голубой...	351
На то ты кисть,		Не страшно ли тебе,	
что многопала...	326	мой милый враг?...	352

Литературно-художественное издание

Александр Иванников

АРЕАЛ КИРИЛЛИК

СТИХИ

Том 1

Верстка
Н. Кубеш

Сдано в набор 28.11.13. Подписано в печать 06.12.13.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура LiteraturnaYa.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 20.78.

Тираж 200 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM.

ИП Дункина Н.В. Св-во № 002418081.

г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66

E-mail: dsmgroup@mail.ru